

ЯКОВ КАНЯВСКИЙ

СКЕЛЕТЫ
В ШКАФАХ

Яков Канявский
Скелеты в шкафах. Книга 1
Серия «Скелеты в шкафах», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73418913*

*Скелеты в шкафах. Книга 1 / Я. Канявский: Четыре; Санкт-Петербург;
2026
ISBN 978-5-908079-50-1*

Аннотация

Данный двухтомник является продолжением цикла «Трагический эксперимент» и повествует о некоторых секретных операциях защитников и противников эксперимента. Материалы, используемые в книге, находятся в открытом доступе.

Содержание

Глава 1. Защитники	5
Глава 2. Разведчики	42
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Яков Канявский

Скелеты в шкафах. Книга 1

© Я. Канявский, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

*Большинство революционеров —
потенциальные консерваторы.
Джордж Оруэлл*

*Дьявол начинается с пены на губах ангела,
вступившего в бой за святое дело.
Григорий Померанц*

Глава 1. Защитники

Худшая реклама социализма (как и христианства) – его приверженцы.

Джордж Оруэлл, писатель

Аркадий с Семёном сидели в задумчивости и пили чай.

– И всё-таки, какую большую работу мы проделали, – нарушил молчание Аркадий. – А начиналось вроде бы с концерта Петра Лещенко.

– Да, – согласился Семён. – Столько интересного о своей стране узнали. И ещё многого не знаем. Мы больше интересовались властью, которая проводила этот эксперимент.

А вот верила ли сама власть в этот эксперимент?

– Возможно, что и нет. Вожди мирового пролетариата ни на каких заводах не работали.

Во время Парижской коммуны Маркс не рвался на баррикады, а писал коммунарам письма из своей лондонской квартиры.

Крупный российский промышленник Савва Морозов сохранил на свои средства партию большевиков. Придя к власти, они отняли у его наследников всё имущество, а самих наследников расстреляли.

Основатель христианства в церкви никогда не был. Он посещал еврейский храм.

В своё время много говорили о толстовцах. Однако Лев Толстой ни разу не посетил ни одной толстовской коммуны и относился к толстовцам с большим подозрением.

Если дальше продолжать примеры приводить, то основоположник сионизма Герцль в Палестине пробыл неделю, больше не выдержал.

Леви Страусс никогда не носил джинсов, полагая, что солидному человеку рабочие штаны не к лицу.

Создатель коньячной империи Шустов был старообрядцем, алкоголя в рот не брал.

Пушкин всю жизнь любил замужних дам. Когда ему намекнули на возможность измены его жены, он вызвал обидчика на дуэль и погиб.

Нэнси Берд, известная идеолог вегетарианства, не была вегетарианкой.

Кэрролл Симпсон, основательница Союза девственников США, была дважды замужем.

Автор знаменитой книги «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей» Дейл Карнеги умер в одиночестве.

Отсюда напрашивается вывод: Верить нельзя никому!

– Понятно. Но всё-таки, как к этому эксперименту относились люди?

– Были противники и защитники эксперимента. И защищали новую власть не только на полях сражений. Работа многих защитников оставалась тайной. И даже сейчас многие материалы остаются закрытыми. Но кое-что я накопал.

Можешь посмотреть.

Кстати, сам Владимир Ленин был ярким защитником своей идеи и очень жестоко расправлялся с противниками советской власти. Достаточно посмотреть послереволюционный период его Полного собрания сочинений. Там постоянно фигурируют его резолюции: «повесить», «казнить», «расстрелять». Но это ещё не всё.

Историк, писатель и известный журналист Аркадий Ваксберг был одним из тех редких отечественных исследователей, кто подробно изучил, как, начиная с 1921 года, в России по инициативе Ленина была создана так называемая «лаборатория ядов», которая активно использовалась для устранения политических оппонентов и врагов режима. Ваксберг много лет работал в советских архивах, рассекреченных после перестройки, и в 2007 году в Париже вышла его книга «Лаборатория ядов». В книге он подробно рассказывает об особой форме государственного террора, показывая на многочисленных примерах, как эта чудовищная, преступная практика проходит через всю советскую историю. «Лаборатория ядов» была опубликована во многих европейских странах, но никогда не печаталась на русском. Аркадий Ваксберг умер в 2011 году. С разрешения его вдовы Сурии Садековой и его дочери Татьяны Ваксберг публиковался отрывок из русской рукописи книги с небольшими сокращениями. Остаётся надеяться, что это в высшей степени актуальное и представляющее несомненный интерес исследование

наконец найдёт в России своего издателя.

«...Для массового террора личность как таковая никакого значения не имеет: его главная цель – устрашение, и оно достигается прежде всего количеством жертв, а не их именами. Но, не успев прийти к власти, большевики поняли, что имена, то есть личности тех, кто был неуютен по различным причинам и потому обречён на ликвидацию, тоже имеют значение. Иногда даже большее, чем безликая масса. Июль 1918 года можно смело назвать началом эпохи отстрела, затянувшейся на многие десятилетия. В этом месяце уничтожили царскую семью, в этом же чекист – провокатор Яков Блюмкин убил в Москве германского посла графа Мирбаха». <...>

Самой большой новинкой в практике политической борьбы с помощью потайных убийств явилась созданная Лениным в 1921 году строго засекреченная токсикологическая лаборатория, в Положении о которой было прямо заявлено, что её задачей является «борьба с врагами советской власти». Традиционная шкала моральных ценностей цивилизованного мира была совершенно чужда великому вождю мировой революции: столь варварский способ «борьбы» представлялся ему вполне приемлемым и даже достойным. Так что создание токсикологической лаборатории явилось логическим следствием и практической реализацией его стратегических замыслов. Лаборатория эта разрабатывала и производила не оружие, а яды, – значит, бороться с «врагами»

предполагалось именно этим способом. Заведомо преступная организация получила таким образом видимость легитимности. Тяготевший к конспиративным эвфемизмам (впоследствии это стало традицией на протяжении всей советской истории), Ленин дал ей «нейтральное» название «Специальный кабинет» и подчинил её лично себе как председателю Совета Народных Комиссаров. Перед сотрудниками «кабинета» без всякого камуфляжа была поставлена задача создавать и совершенствовать яды, предназначенные для убийства «врагов». Существует версия, и она отнюдь не кажется плодом богатого воображения, что сам же Ленин и стал вскоре одной из первых жертв своего тщательно конспирированного создания – по известному принципу «не рой другому яму...» <...>

Созданный ещё Лениным и оставшийся в его личном подчинении «Специальный кабинет» по производству и хранению ядов вряд ли исчез после его смерти, хотя никаких признаков активности этого кабинета в течение нескольких лет не наблюдалось. Возможно, потому, что носил он скорее дилетантский, чем профессиональный характер, яды, там хранившиеся, были известны и ранее и использовались лишь время от времени. Лубянка предпочитала более традиционные и более простые средства уничтожения неугодных. В начале тридцатых годов ситуация изменилась. Отчасти это было связано с тем, что к руководству спецслужбами фактически пришёл Генрих Ягода, который ещё за десять лет

до этого возлагал на отравляющие вещества большие надежды. Он всё ещё был лишь заместителем руководителя тайной полиции, но его прямой начальник, председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, был тяжело болен, в работе участия не принимал – все рычаги лубянской власти сосредоточились в руках Ягоды. Именно при нём неоднократно менявший своё название ленинский спецкабинет перекочевал под крыло спецслужб и оформился в самостоятельное подразделение, а возглавить его было поручено очень модному в то время доктору Игнатию Казакову. Этот медик прославился своими экспериментами по лечению с помощью им открытого и запатентованного метода таких болезней, которые считались неизлечимыми или в лучшем случае с трудом поддающимися лечению.

Его метод лечения так называемыми лизатами многие считали шарлатанством и знахарством, но за помощью к Казакову обратился не кто-нибудь, а Сталин, почувствовавший после лечения лизатами довольно существенное улучшение. Среди многих других недугов Сталина мучил хронический псориаз – чешуйчатый лишай, поразивший своими болезненными бляшками его поясницу, локти, колени. Традиционные методы лечения этой болезни с её неразгаданной этимологией успеха не приносили. В любом случае она была результатом дисфункции желёз внутренней секреции, а её-то и стремился преодолеть Казаков с помощью введения в организм препарата соответствующей железы – лизата. Тем

же способом он лечил импотенцию, которой страдало едва ли не большинство высших партийных сановников. Есть все основания полагать, что именно Казаков был прототипом профессора Преображенского из повести Михаила Булгакова «Собачье сердце».

Авторитет и популярность Казакова были столь велики, что с санкции Сталина в Москве специально для него был создан научно-исследовательский институт обмена веществ и эндокринных расстройств, существовавший на правах закрытого кремлёвского медицинского учреждения, который обслуживал номенклатурную элиту. Его-то и пригласили возглавить специальную лабораторию ОГПУ. После смерти Менжинского и преобразования ОГПУ в НКВД наркомом стал Ягода, и спецлаборатория оказалась в его личном и непосредственном подчинении. А для придания её работе особой значимости и создания видимости той пользы, которую она приносит не спецслужбам, а мировой науке, исследовательские проекты по тематике лаборатории разрабатывались и осуществлялись специалистами института биохимии Академии наук, возглавлявшегося старым революционером-народовольцем, действительно крупнейшим учёным, академиком Алексеем Бахом. Архивные находки свидетельствуют, что прославленный учёный не только возглавлял институт, но ещё и был руководителем группы его сотрудников, которая втайне выполняла задания НКВД. Благодарный Кремль сделал своего престарелого служаку депу-

татом первого «свободно избранного» Верховного Совета и даже предоставил ему почётное право открыть его первое заседание. 1934 год отмечен и первыми наглядными проявлениями эффективности работы лаборатории. О гибели сына М. Горького – Максима Пешкова, как и гибели Пешкова-отца – писателя М. Горького два года спустя, подробно рассказано в моей книге *The Murder of Maxim Gorky: An Early Victim of Stalin's Purge of intellectuals* (Enigma-books. New York. 2007). Одновременно с Макссимом Пешковым, с интервалом всего в один день, умер и номинальный председатель ОГПУ Рудольф Менжинский. Несомненно, ему помогли умереть, чтобы как можно скорее освободить место для Ягоды. И столь же несомненно, что это было сделано если не по указанию, то с благословения Сталина, который в то время делал ставку на Ягodu как на своего вернейшего слугу, чьими руками можно устранить всех, кто мешал вождю.

Правда о дьявольской кухне засекреченных токсикологов, возможно, долго ещё оставалась бы тайной для непосвящённых, но на третьем Большом московском процессе (март 1938) Сталин устами прокурора Вышинского решил громогласно объявить о её существовании. Материалы этого процесса всеми, и давно, с полным основанием признаны чудовищной фальсификацией, но одно исключение я бы всё-таки сделал. Осмеливаюсь полагать, что эпизоды отравлений или убийств, совершённых иным способом, которые вменялись в вину некоторым подсудимым, действительно имели место,

но с одной, весьма существенной, оговоркой: все они были совершены не шпионами и изменниками родины, не против Сталина и его руководства, а точно наоборот – по прямому указанию самого Сталина, который устранял таким образом вовсе не своих соратников и друзей, каковыми они представляли в прокурорской риторике Вышинского, а лиц, ставших по разным причинам ему негодными. Просто свои преступления он сваливал на других, выворачивая истину наизнанку. Поэтому всё, что в материалах процесса относится к обвинению в убийствах, заслуживает внимательного изучения – с учётом, конечно, того поправочного коэффициента, о котором сказано выше.

Секретарь Ягоды и всего НКВД Павел Буланов дал на суде такие показания: «Ягода исключительно интересовался ядами <...> Такая заинтересованность появилась у него примерно с 1934 года <...> Он свёл чрезвычайно близкое знакомство с рядом химиков, давал им прямое задание о постройке, вернее, об организации химической лаборатории. Всё время при этом подчёркивалось, что она должна находиться в распоряжении Ягоды, так как в его арсенале нет достаточного количества ядов как средства, необходимого для <...> целей убийства. <...> Организация этой лаборатории была реальным фактом. Это я знаю потому, что мне лично он приказал подыскать соответствующее помещение и передать его определённым лицам. <...> Ягода предупредил меня, что это настолько важное дело, что указанным лицам

нужно предоставлять неограниченные средства, не контролировать их расходование».

Поразительно, что Буланов – подчиняясь, разумеется, велению следователей, – не называет имена «определённых» и «указанных» лиц, как и местоположение «соответствующего» помещения, а прокурор Вышинский этими данными, которые должны были бы, казалось, подкрепить обвинение, даже не интересуется – делает вид, что не услышал. Смысл ясен: существование лаборатории надо связать только с Ягодой, создать впечатление, что с его уходом она ликвидирована. Огласить имена «ряда химиков», продолжающих трудиться над созданием ядов, было бы тоже совсем некстати.

<...> Начиная с 1937 года, секретная токсикологическая лаборатория, всё ещё формально числившаяся в составе института биохимии Академии наук, была – теперь уже тоже формально – переведена в НКВД и поставлена в подчинение начальнику «специального (слово „специальный“ стало неотъемлемой частью советской конспиративной терминологии) отдела оперативной техники» при лубянской комендатуре. Она получила наименование «Лаборатория Х». Во главе лаборатории поставили профессора Григория Майрановского, который, для отвода глаз и для придания своей работе благообразного облика, занимался ранее в институте биохимии исследованиями влияния смертоносных газов и ядов на злокачественные опухоли. Человек, который ничуть не менее, чем пресловутые нацистские палачи с медицин-

ским дипломом – Менгеле или Ариберт Хайм, имеет право на кличку Доктор Смерть, – считался в мире советской науки одним из виднейших борцов с онкологическими заболеваниями и был весьма уважаем в медицинских кругах!

Лабораторию поместили рядом с основным блоком НКВД, в Варсонофьевском переулке (дом номер 11), по соседству с комендатурой и расстрельным подвалом (дом номер 6): эти два помещения были связаны друг с другом подземным ходом, как и весь блок зданий на Варсонофьевском – с основным корпусом Лубянки, а последняя – с расположенной по другую сторону площади Военной коллегией Верховного суда, ежедневно выносившей десятки смертных приговоров. В подвалах комендатуры казнили обречённых на смерть – здесь эти приговоры и приводили в исполнение – сотни, если не тысячи. Отсюда ночами трупы расстрелянных вывозили в крематорий. Так что тесное соседство лаборатории ядов и расстрельных подвалов имело свою несомненную логику.

Лишь в самое последнее время вскрылась ещё одна тайна: под Москвой, в дачном посёлке Кучино, из-за перенаселённости основной лубянской тюрьмы, существовала другая засекреченная внутренняя тюрьма органов госбезопасности, и ей для удобства был придан филиал лаборатории, чтобы объекты для экспериментов были тут же, под рукой. Не только о работе лаборатории, но даже о самом её существовании, был осведомлён лишь крайне узкий круг людей – считанные

единицы. В 1939 году лаборатория Х была включена в состав 4-го специального (разумеется, «специального»!) отдела НКВД. У неё появился свой бюджет: на разработку ядов для осуществления индивидуального террора в Кремле не скупилась. Позже она перейдёт в отдел «С» – начальная буква всё того же слова «специальный» – и будет неоднократно менять название. В шестидесятые-семидесятые годы, например, она будет называться Специальной лабораторией № 12 института специальных и новых технологий Комитета государственной безопасности. Как бы она ни называлась, суть её оставалась всё той же.

Наряду с токсикологической, в структуре Лубянки существовала и бактериологическая лаборатория, вырабатывавшая свои средства как для индивидуального, так и для массового террора. Её возглавлял профессор Сергей Муромцев, дипломированный врач и химик, кадровый полковник спецслужб. Он занимался модификацией бактерий, выращивал их штаммы, способные избирательно поражать отдельные органы, а также возбудителей болезней, стойких ко всем существовавшим на тот момент видам лекарств. В качестве подопытных в его лаборатории использовались не мыши и кролики, а только живые люди из числа арестантов. Есть свидетельства о том, что он разработал методику, позволявшую спровоцировать разрыв кровеносных сосудов мозга. Лишь в 1948 году его вознаградят, сделав действительным членом Сельскохозяйственной академии как одного из страст-

ных борцов с генетикой, с вейсманизмом и морганизмом, но учтут при этом беспорочную службу в качестве профессионального отравителя. Его имя войдёт в контролируемые государством энциклопедии как выдающегося учёного, а в начале девяностых годов, когда он будет разоблачён как шарлатан и убийца, тихо из них исчезнет.

Криминалистике давно известно, что некая магическая сила тянет преступника на место совершения преступления. Точно по тому же психологическому закону сталинский прокурор Вышинский разглагольствовал на показательном процессе в Москве (март 1938 г.) о механике и методологии отравлений, демонстрируя свою нахватанную эрудицию и уделяя не имеющей прямого отношения к содержанию обвинения проблеме непомерно большое место. Это была, по существу, программа действий лаборатории ядов, загримированная под историческое эссе.

В целом ряде случаев, – вещал Вышинский с обвинительной трибуны *urbi et orbi*, – отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить <...> естественной смертью от болезни. <...> Отравление, по современным научным воззрениям, это есть один из видов, и притом самый опасный вид, так называемого в науке изменнического убийства (*что за наука пользуется такой терминологией, Вышинский не уточнил. – А.В.*), опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических, губительных для человеческой

жизни средств, не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таким веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годятся для этого, и этим часто пользуются преступники.

Казалось, можно было и не продолжать эту дилетантскую и косноязычную лекцию по фармакологии, совершенно неуместную для обвинительной речи по конкретному делу, но Вышинский не может остановиться, упиваясь своим красноречием и своей эрудицией и невольно выдавая тем самым многообразие вариантов, изучением которых занята лаборатория, при том что о существовании и деятельности её иные из подсудимых знали лучше, чем он, но вынуждены были помалкивать. Известны из истории, например, из Тацита, такие случаи, как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления. Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравления ядом, который нельзя было обнаружить даже при тщательном исследовании, ядом, который был им назван *Requiescat in pace* (пусть почиет в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Кли-

мент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и со знанием химии, медицины и фармакологии – способы самые разнообразные <...>.

По Лубянской логике весь этот набор примеров должен был показать, что подсудимые-отравители просто-напросто хорошо изучили исторические сочинения и воспользовались опытом предков. Однако ораторы, совсем по Фрейду, невольно выболтали программу работы секретной лаборатории ядов, где действительно отрабатывались способы самые разнообразные, в том числе и убийства через какие-нибудь вещи, но главное – такие яды, которые не оставляют следов. С абсолютной чёткостью это сформулировал на тайном следствии 21 июля 1939 года, когда Сталин, замечая следы, стал уничтожать самих палачей, бывший начальник 12-го отдела НКВД Семён Жуковский. Его показания из секретного двухтомного следственного дела, хранящегося в архиве Главной военной прокуратуры (№ 975 026), поразительны тем, что раскрывают не тайны прошлого, а тайны настоящего, – ведь лаборатория продолжала заниматься тем же самым и после того, как её преступные деяния стали предметом расследования. Понять этот кафкианский абсурдизм невозможно. И однако же реальность такова.

Вот что рассказывал Жуковский, разоблачая уже арестованного к тому времени наркома внутренних дел Ежова, ко-

торый поставил перед нами задачу о выработке ядов <...>, поработать над вопросом ядов моментально действующих, которые можно бы применять на людях, но без видимых последствий отравления. <...> Те яды, которые вырабатывались в лаборатории, раньше имели какой-то привкус или оставляли следы их применения в организме человека. Мы <...> ставили задачу выработать в лаборатории такие яды, которые были бы без всякого привкуса, чтобы их можно было применять в вине, напитках, пище, не изменяя вкуса и цвета пищи и напитков. Предлагали отдельно изобрести яды моментального и запоздалого действия, при этом чтобы применение их не вызывало видимых разрушений в человеческом организме, то есть чтобы при вскрытии трупа убитого ядами человека нельзя было установить, что в его убийстве применялись яды. По всем этим вопросам проводились консультации у виднейших профессоров-химиков, не говоря им о целях выработки этих ядов. Кроме того, для работы в лаборатории привлекли специалистов-химиков из арестованных, например, Фишмана – бывшего начальника химического управления Красной Армии, Великанова – бывшего профессора химической Академии Красной Армии и других. Таким образом, обречённые на смерть были вынуждены готовить к смерти других обречённых. Для координации работ по выполнению столь ответственного задания и был приглашён узкий специалист именно в сфере отравлений – полковник госбезопасности, профессор Григорий Майра-

новский, который вскоре после завершения судебного процесса, где витийствовал Вышинский со своими историческими экскурсами, надолго возглавил токсикологическую лабораторию НКВД. Пожалуй Доктора Смерть с полным основанием можно переименовать в Доктора Кошмарной Смерти, она настигала людей в таких масштабах, которые и не снились его предшественникам. Работа лаборатории под началом Майрановского развернулась вовсю, когда на место арестованного, а затем и казнённого Ежова пришёл Лаврентий Берия.

В послевоенный период вовсю развернулась деятельность лаборатории ядов, ведущей своё официальное (то есть юридическое, а не фактическое) существование с 1938 года. Именно тогда за ней был закреплён статус действующего подразделения в составе наркомата внутренних дел. Токсикологическая (полковник Майрановский) и бактериологическая (полковник Муромцев) лаборатории вошли в состав 4-го главного управления Лубянского ведомства. Любимым коньком Майрановского стала научная разработка препаратов, которые смогли бы обеспечить проверку достоверности свидетельских показаний, то есть некий химический, а не физический, детектор лжи. Лубянский профессор долгие годы бился над разработкой такого реактива, инъекция которого заставила бы человека развязать язык и выбалтывать всё, что он знает, без каких-либо тормозов, не имея возможности что-либо скрыть или исказить. Это была, конечно,

очень заманчивая идея – крючок, на который должны были клюнуть спецслужбы, но они почему-то ждали от лаборатории совсем иных свершений.

Документ, содержащийся в упомянутом выше архивном досье Эйтингона (Наум Этингон, генерал-майор госбезопасности, один из разработчиков операции по ликвидации Льва Троцкого), повествует об этом так: «Совершая тяжчайшие преступления против человечности, в лаборатории испытывали смертоносные мучительные яды и сильнодействующие вещества на живых людях. Ввиду отсутствия документации невозможно установить, над кем персонально производились опыты по использованию ядов, однако выяснено, что бесчеловечные эксперименты имели место в отношении большого количества людей (по новейшим данным, не менее ста пятидесяти. – А.В.)». Для отвода глаз или, точнее, для иллюзии оправдания в своих же глазах, лабораторным профессорам сообщалось, что все «подопытные» приговорены к высшей мере наказания, а способ исполнения приговора может быть, дескать, любым, поскольку в законе он никак не определён. Это была чистейшая ложь: сталинские законы не предусматривали не конкретизированной смертной казни – по советской юридической терминологии, вошедшей в закон, она именовалась высшей мерой социальной защиты (впоследствии – высшей мерой наказания) – расстрелом. Только так, и никак иначе! Значит, профессоров просто вводили в заблуждение, хотя вряд ли они нуждались в какой-ли-

бо правовой аргументации. При этом имена приговорённых не разглашались – их анонимно доставлял в лабораторию комендант Лубянки Василий Блохин, тем более что комендатура и лаборатория ядов располагались в одном и том же здании.

«Мы говорили им (доставленным для экзекуции. – А.В.), – рассказывал вызванный в суд как свидетель по делу своих бывших шефов (1958 год) арестант Григорий Майрановский (до ареста возглавлял токсикологическую лабораторию НКВД), – что это камера Прокурора СССР, что прежде, чем попасть к нему на приём, надо пройти медицинский осмотр. Фамилии доставленных я не знал и в протоколах исследования по спецлаборатории фамилии умерщвлённых также не указывались. <...> Летом 1949 года в лабораторию, где я вёл опыты исследования ядов на людях, доставили человека. Судоплатов и Эйтингон (руководители управления, в которое входила лаборатория. – А.В.) мне сказали, что нужно подготовиться к якобы медосмотру этого человека, причём в процессе осмотра сделать ему укол курарина. Эйтингон пожелал сам присутствовать на этой процедуре. Ввели человека, которого я стал осматривать как врач. Эйтингон с ним разговаривал, а затем сказал, что ему нужно сделать профилактический укол. Это для меня было сигналом. Я предложил человеку лечь на кушетку, он беспрекословно лёг, и я сделал ему укол курарина. Как и обычно, смерть наступила через 10-11 минут. Позднее мне Эйтингон

говорил, что человек этот не был приговорён к высшей мере наказания, а его просто нужно было ликвидировать...»

Майрановский «забыл» уточнить, что смерть наступала в адских мучениях и за агонией жертвы он вместе с Эйтингоном или другими соучастниками наблюдал через глазок наглухо заклёпанной металлической двери. «Целью присутствия Эйтингона, – подтвердил Майрановский, – было убедиться в действенности препарата, так как операция санкционировалась Сталиным (этим, пожалуй, сказано всё! – А.В.). Если смертельного исхода не наступало, что случалось крайне редко, и испытуемый (так профессор называет жертву варварской экзекуции. – А.В.) поправлялся, на нем же испытывался и другой яд. Максимально допустимое число попыток на одном человеке – три». То есть в третий раз его доказывали уже окончательно, а если и это не удавалось, просто пристреливали.

Весьма существенно и следующее признание Майрановского: «Мы получали задание готовить различные яды – как быстродействующие, так и такие, которые приводят к смерти через определённое время», создавая более убедительную маскировку убийства под смерть от «обычного» тяжкого недуга. Главным критерием пригодности того или иного яда, созданного в этой дьявольской лаборатории, всегда было одно: по вкусу, запаху и другим параметрам, равно как и по следам, оставленным в организме, он не должен быть распознан ни жертвой, ни экспертами, исследующими при-

чины смерти.

На живых людях Майрановский и его коллеги – почти все с учёными званиями и степенями – испытывали различные яды и их производные. Начальство не было, к примеру, удовлетворено результатами действия дигитоксина: смерть после страшных мучений наступала через три-четыре, а то и через десять дней. Для террористических акций в большинстве случаев это не подходило. Затем перешли на карбиломинхолинхлорид (препарат К-2): испытуемый на глазах уменьшался в росте, слабел, как бы высыхал. Затем наступала смерть. Понаслаждавшись муками жертв, высокое начальство отвергло и этот яд: он тоже не подходил для их далеко идущих целей, особенно для террористических операций за границей. Изобрели ещё один способ: стрельба облегчёнными пустотелыми пулями, где пустоты заполнены ядовитым аконитином. Из бесшумного оружия производился выстрел в мягкие ткани – с таким расчётом, чтобы смерть наступила не от самого выстрела, а от яда, который она принесла с собой в организм жертвы. Задача была лишь в том, чтобы пуля не прошла насквозь, а в мягких тканях застряла. Для этого нужны были не только искусные отравители, но и искусные стрелки. Мастерами этого дела Лубянка располагала всегда.

Восстанавливая кошмарные лубянские тайны по обрывкам доступных и оставшихся после тотальной архивной чистки документов, можно прийти к выводу, что адовым мукам во время экспериментов подверглись в лаборатории не

только советские узники, но и немцы, американцы, поляки, японцы, корейцы, китайцы. Есть данные, что после войны отравлению в лаборатории подверглась большая группа переживших чудом Большой Террор или спасшихся в подполье немецких антифашистов – деятелей Коминтерна. Имена их неизвестны. Похоже, они были сражены моментально действовавшим ядом и таким образом избежали мук. В протоколах некоторых допросов, имевших место в разное время и оказавшихся временно доступными в начале девяностых годов, мимоходом, как бы невзначай, говорится и о том, что среди намечавшихся жертв отравлений ядами, проверенными на подопытных токсикологической лаборатории, были Гитлер, Муссолини и даже Уинстон Черчилль. Увы, дознаться, как именно, чем и когда лубянские умельцы собирались отравить боевого союзника Советского Союза во время мировой войны, не удалось <...>.

Кажется, за очень малым исключением, уже никто не сомневается в том, каким был истинный конец знаменитого Рауля Валленберга, шведского дипломата, спасавшего в Будапеште от депортации и уничтожения венгерских евреев, а затем сгинувшего в Лубянских застенках <...>.

Хотя похищение Валленберга советской контрразведкой было для всех очевидно, официальные власти категорически этот факт отрицали, неоднократно заявляя, что о его местонахождении им ничего не известно. Зато в пятидесятые годы, во время хрущёвской оттепели, признав его смерть

от сердечной недостаточности в советской тюрьме, Лубянка намеренно распустила слух о том, что Валленберг жив, и непрерывно находились свидетели, которые лично встречались с ним то в тюрьме, то в лагере, то в психиатрической клинике, а то и в обычной больнице. Продержавшийся полвека, этот вселявший напрасные надежды миф, надо думать, уже полностью отвергнут и родственниками Валленберга, и шведскими официальными органами. На самом деле оболганный и униженный «праведник мира» Рауль Валленберг окончил жизнь 17 июля 1947 года всё в той же зловещей лаборатории ядов, где спасителя евреев доконал своим курарином еврей Майрановский. Факт гибели Валленберга в Лубянской тюрьме, притом именно в этот день, признан ещё советскими и подтверждён нынешними российскими государственными структурами, но от обсуждения вопроса о том, как конкретно он был уничтожен, Москва всегда уклонялась.

<...> Создаётся ощущение, что в послевоенные годы, особенно на рубеже сороковых и пятидесятых годов, террористический департамент Лубянки получил своеобразную *carte blanche* и развернул свою деятельность в полную силу. Именно в это время интенсивно разрабатываются новые, не применявшиеся ранее яды: рицин, таллий, колхицин. Бурно совершенствуется современная техника убийств. Разработаны различные устройства карманных размеров, загримированные под спичечные коробки, портсигары, портмоне, бон-

боньерки, парфюмерные флакончики и прочее, стреляющие отравленными пулями дум-дум или стеклянными ампулами с синильной кислотой: в последнем варианте смерть наступала как бы от инфаркта миокарда. <...>

Первого официального признания исключительной полезности работ, производимых лубянскими учёными, их высокого научного уровня и перспективности удостоился один из руководящих деятелей лаборатории ядов, профессор, полковник спецслужб Сергей Муромцев: за разработанное им специальное оборудование для распыления бацилл чумы ему присудили Сталинскую премию. Чекисты ликовали: террор становился неотъемлемой и признанной частью высокой науки. Коллеги Муромцева имели все основания ждать и других наград <...>.

В начале пятидесятых на «лабораторщиков» и на их шефов начались гонения, и работа столь хорошо налаженного механизма свернулась. На время, но всё же свернулась. Никаких перемен в системе государственного терроризма, конечно, не произошло. Но пришла пора очередной смены кадров. И поводом, и причиной послужила развернувшаяся борьба с «сионистским заговором» в недрах госбезопасности. Значительный перевес евреев в кадрах этих служб действительно имел место, но все они верой и правдой служили кремлёвскому боссу и палачествовали без всякого смущения и без каких-либо тормозов наряду с православными. Но Сталин обвинил их, в частности, в том, что, разрабаты-

вая в тайниках лаборатории никому не ведомые яды и совершенствуя технику отравления, как и убийств иными способами, они готовили устранение его самого. Арестовали Эйтингона и Судоплатова (он был женат на еврейке), арестовали генералов Леонида Райхмана и Якова Матусова, арестовали, естественно, и Майрановского. Очередному аресту подвергся и сын Якова Свердлова – первого советского «президента», «правой руки» Ленина – Андрей Свердлов, бывший в юности троцкистом и вольнодумцем, но при первом же попадании в казематы Лубянки, ещё в 1935 году, сдавшийся на милость победителей и превратившийся в самого злобного, самого жестокого палача. При обыске в его квартире обнаружили несколько ампул сильнодействующих ядов, взрывные устройства с часовым механизмом, замаскированные под шкатулку, коробку от духов и пресс-папье, пистолеты, винтовки и даже гранаты. Он утверждал, что готовился сражаться с нацистами, если те захватят Москву, но могли Сталин поверить такой примитивной сказке?! Любимого вождя Андрей Свердлов травить, конечно, не собирался, у него на примете были совсем иные жертвы, но идентифицировать их никто не собирался, поскольку выбор был сделан *Самим*. История этого перевёртыша и негодяя, глумившегося в пыточных кабинетах над своими недавними друзьями по детским играм в кремлёвском дворе, право, заслуживает стать сюжетом захватывающего романа, и, если дойдут руки, я бы его с удовольствием написал.

Майрановский же отделался странным наказанием. Странным не по санкции (он схлопотал 10 лет тюрьмы), а по мотивировке: его осудили уже после смерти Сталина отнюдь не за палачество, не за садизм, а за «хранение отравляющих веществ в домашних условиях»: убедительное подтверждение того, что разработка ядов и уничтожение с их помощью людей было полностью санкционированной деятельностью Доктора Смерть, но никак не его прихотью или хобби. Он отсидел весь срок, «от звонка до звонка», освобожден в декабре 1961 года, хотя за «уважаемого профессора» усиленно хлопотал другой профессор, даже академик, – Николай Блохин (однофамилец бывшего лубянского коменданта), главный онколог Советского Союза. Он уверял, что Майрановский делал благое дело, поскольку разработанные им яды будто бы могли пригодиться для поражения раковых клеток. Доктору Смерть запретили жить в столице и в больших городах, отправили в Дагестан, в Махачкалу, дав ему для работы какую-то, эвакуированную из Москвы ещё во время войны, химическую лабораторию – совсем не ту, что прежде, и с другими задачами. С таким нерациональным использованием своего таланта он смириться не мог, нехотя (просто по глупости!) обратился за помощью к Хрущёву, напоминая ему, что в 1947 году они встречались в спецпоезде, когда Майрановский под его покровительством готовил убийство в Ужгороде (Закарпатская Украина) архиепископа Ромжи.

Итог был таким. В декабре 1964 года Доктор Смерть приехал в Москву для встречи с академиком Блохиным, на которого у него по-прежнему был главный расчёт: для того не существовало закрытых дверей, ведь услугами главного онколога страны пользовалась или при случае была вынуждена воспользоваться вся кремлёвская верхушка. Заодно Майрановский посетил для обследования и элитный московский госпиталь. Здесь же, в больничном коридоре, после посещения врачебного кабинета, неожиданно и скончался. Диагноз был таким же, как и у Рауля Валленберга, и у сотен других его жертв: «сердечная недостаточность».

Андрей Караулов в книге «Русский ад» пишет, что Михаил Полторанин нашёл в архивах КГБ письмо патологоанатома профессора Кудряшова о подлинных причинах отравления товарища Сталина. У него была огромная печень, при инсульте такая широкая печень не бывает. Яд – никумарин, которым был пропитан томик Горького, который на ночь читал Сталин и перелистывал своим слюнявым пальцем по семинарской привычке.

– А верили ли в коммунистическую идею её защитники, можно посмотреть на примере Сергея Эфрона, – подвёл итог Семён.

Сергей Яковлевич Эфрон родился в семье бывших родовольцев – домовладелицы Елизаветы Петровны Эфрон (в девичестве Дурново, 1855–1910) и подольского Москов-

ской губернии купца второй гильдии Якова Константиновича (Калмановича) Эфрона (1854–1909). Яков Константинович Эфрон (первоначально Ефрон) родился в еврейской семье в Ковно, где его отец был строительным подрядчиком. Одним из его братьев был известный прозаик и драматург Савелий Константинович (Шеель Калманович) Эфрон (литературный псевдоним С. Литвин; 1849–1925). В юности был членом революционного общества «Земля и Воля». В воспоминаниях А. С. Эфрон высказана мысль о том, что в юности Яков Эфрон был причастен к убийству полицейского провокатора Н. В. Рейнштейна, однако современные исследователи отвергают эту гипотезу. В 1879-м примкнул к «Чёрному переделу», где и познакомился с Елизаветой Петровной Дурново. После женитьбы на ней отошёл от революционной деятельности, посвятив себя семье. В 1892 году Я. К. Эфрон был причислен к купеческому сословию, открыл аптекарский магазин (провизором в котором служил его брат Николай Константинович Эфрон) в доме Голикова на Садово-Спасской улице; состоял инспектором страхового общества «Якорь». С 1893 года (с рождения Сергея Эфрона) семья жила в собственном доме Эфрона в Мыльном переулке, затем в выстроенном в 1905 году собственном доме Эфрон в Гагаринском переулке, № 29. Елизавета Петровна Эфрон была дочерью гвардейского штаб-ротмистра Петра Аполлоновича Дурново, из известного дворянского рода, и Елизаветы Никаноровны Посылиной, из купеческого зва-

ния. В юности увлекалась Кропоткиным, была членом I Интернационала. В 1905 году Елизавета Петровна вступила в партию эсеров. Дважды подвергалась аресту и заключению: в 1880 и в 1906 году. Была узницей Петропавловской крепости и Бутырской тюрьмы. После освобождения по состоянию здоровья до 1909 года жила с мужем в Москве; скончалась в 1910 году, повесившись после самоубийства сына Константина.

После смерти родителей, до наступления совершеннолетия, Сергею Эфрону был назначен опекун. С подросткового возраста болел туберкулёзом, его душевное здоровье было также подорвано смертью матери. Окончил Поливановскую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1910 году жил в Санкт-Петербурге на 9-й Рождественской улице, № 19.

В 1911 году, во время отдыха в Коктебеле, 17-летний Эфрон познакомился в знаменитом коктебельском «Доме поэта» Максимилиана Волошина с 18-летней Мариной Цветаевой. Как вспоминала сама Цветаева, она загадала Волошину, что выйдет замуж за того, кто угадает, какой её любимый камень. Сергей Эфрон в первый же день их знакомства откопал на пляже и принёс ей сердоликовую бусину – любимый камень Цветаевой. По одной из версий, Цветаеву привлекло созвучие имени Сергея Эфрона с Орфеем – персонажем любимой ею античной мифологии. Также на Цветаеву произвели впечатления благородные манеры и внешность

Эфрона: по её словам, когда она впервые увидела Эфрона в белой рубашке на скамейке у моря, он был так неправдоподобно красив, что ей казалось *«стыдно ходить по земле»*. В 1912 году, 29 января, когда Эфрону исполнилось 18 лет, они поженились. Впоследствии у них родилось две дочери – Ариадна и Ирина. В письмах супруги всегда обращались друг к друг только на «Вы».

По словам исследователей, героический образ мужа в творчестве Цветаевой напоминал романтическую легенду и в значительной степени был выдуман самой Цветаевой. Впоследствии Цветаева сожалела, что их встреча не переросла в дружбу, а закончилась ранним браком. В одном из писем она писала: «ранний брак (как у меня) вообще катастрофа, удар на всю жизнь».

В последующие годы, вплоть до революции, семья неоднократно проводила лето в Крыму на даче Волошина. В 1914–1917 годах Эфрон пишет рассказы, пробует играть в Камерном театре у Таирова, а также затевает собственное издательство «Оле-Лукойе», где выпускает книгу своих рассказов «Детство», сборники стихов Марины Цветаевой и другие книги. В 1913 году из эмиграции вернулся смертельно больной туберкулёзом старший брат Сергея Эфрона – Пётр Яковлевич Эфрон. Цветаева ухаживала за ним, и между ними возник роман, однако летом 1914 года Пётр Эфрон умирает. В том же 1914 году начинается роман Цветаевой с Софией Парнок. Эфрон крайне болезненно воспринял роман

жены, однако в итоге принял решение не вмешиваться в её отношения на стороне.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, неоднократно совершал попытки поступить добровольцем в армию, однако медицинские комиссии последовательно отклоняли его просьбу из-за слабого здоровья, в результате Эфрон отправляется на фронт в качестве медбрата. Однако, в конце концов, ему удаётся поступить в юнкерское училище, которое он окончил в 1917 году. 11 февраля 1917-го командирован в Петергофскую школу прапорщиков для прохождения службы. Через полгода зачислен в 56-й пехотный запасной полк, учебная команда которого находилась в Нижнем Новгороде.

В октябре 1917 году участвует в боях с большевиками в Москве, после поражения антибольшевистских сил перебирается на Дон, участвует в Белом движении, в Офицерском генерала Маркова полку, участвует в Ледяном походе и обороне Крыма. С началом Гражданской войны связь между Цветаевой и Эфроном прервалась и у них не было никаких сведений друг о друге, Эфрон не знал даже того, что в Москве от голода умерла его дочь Ирина. До Цветаевой доходили слухи о смерти Эфрона. В одном из писем 1917 года она написала: *«Если Бог сделает это чудо – оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами, как собака»*. Через 20 лет, в 1939 году, отправляясь в СССР вслед за мужем, она дописала на старом письме 1917 года: *«Вот и поеду. Как собака»*.

После окончания Гражданской войны, осенью 1920 года Эфрон в составе своей части эвакуируется в Галлиполи, затем переезжает в Константинополь, в Прагу. Цветаева узнала о том, что её муж жив, только в июне 1921 года, а первое письмо от него получила уже в июле. И только весной 1922 года она вместе с дочерью Ариадной эмигрировала из России, переехав в Берлин, где и встретилась с мужем. В 1921–1925 гг. Эфрон – студент философского факультета Пражского университета. Член русской студенческой организации, союза русских писателей и журналистов.

В 1923 году начинается роман Цветаевой с товарищем Эфрона, белоэмигрантом Константином Родзевичем. В 1925 году у Цветаевой родился сын Георгий («Мур») и многие считали, что отцом ребёнка является Родзевич, а не Эфрон. Эфрон вновь чувствует себя лишним и ищет возможности развестись с Цветаевой.

После того как Эфрон сообщил Цветаевой о желании развестись она, по его словам, *«две недели была в безумии»*, не спала ночами и похудела. В конце концов, Цветаева заявила, что не находит в себе сил развестись с Эфроном. Как она писала впоследствии в одном из писем, оставить Эфрона для неё *«невозможно, причём трагически невозможно»*. Эфрон тоже не ощущал твёрдой решимости разойтись. Разрешить ситуацию помог Родзевич, негативно отнёсшийся к рождению Мура и не желавший брать на себя какую-либо ответственность в отношениях. После его расставания с Цветае-

вой Эфрон и Цветаева переехали в Париж.

В Париже семья жила в нищете, Цветаевой практически приходилось работать в одиночку из-за обострения туберкулёзной болезни у Эфрона. После нескольких лет в эмиграции Эфрон стал испытывать ностальгию по России, желание вернуться на родину становилось всё сильнее. Несмотря на сильную ностальгию, поначалу Эфрон продолжал верить в «Белую идею». Главным препятствием к примирению с большевиками он считал память о погибших товарищах. Однако постепенно у Эфрона развился комплекс вины, чувство отчуждения, по его словам, *«мы воевали против своего народа»*. Ариадна Эфрон вспоминала, что отец часто был в депрессии, плакал, признавался, что *«запутался, как муха в паутине, и пути мне нет»*, а также заявлял: *«я порчу жизнь тебе и маме»*. Несколько раз Эфрон заводил с Ариадной разговор о том, что ему лучше уйти из семьи и жить отдельно, однако она возражала.

Ещё в Праге Сергей Яковлевич организует Демократический союз русских студентов и становится соредактором издаваемого Союзом журнала «Своими путями». Он начинает интересоваться идеями евразийства, участвует в развитии евразийского движения, получившего широкое распространение среди российской эмиграции как альтернатива коммунизму. В 1926–1928 годах в Париже Эфрон работал соредактором близкого к евразийству журнала «Вёрсты». После его закрытия, в сентябре 1928-го, перешёл на работу в журнал

«Евразия». Постепенно Сергей Яковлевич начинает примыкать к левой части движения, которая, по мере углубления раскола евразийства, всё лояльнее относилась к Советскому строю. В 1927 году Эфрон снялся во французском фильме «Мадонна спальных вагонов» (режиссёры Марко де Гастин и Морис Глэз), где сыграл роль заключённого-смертника в Батумской тюрьме, которая длилась лишь 12 секунд и во многом предвосхитила его собственную дальнейшую судьбу.

В 1929 году газета «Евразия» прекратила существование. Эфрон тяжело переживал закрытие газеты, вскоре у него начинается возобновление туберкулёзного процесса, он не может работать. После того как его состояние критически ухудшилось, Цветаева обратилась с призывом к эмигрантским кругам помочь собрать средства для госпитализации мужа в туберкулёзный санаторий. Деньги были собраны, и практически весь следующий год Эфрон провёл в русском пансионе-санатории в замке д'Арсин в Верхней Савойе. Существует мнение, что именно в этом санатории произошло знакомство Эфрона с советской агентурой. Как вспоминала Ариадна, из санатория Эфрон вернулся окрепшим и бодрым, его жизнь сильно изменилась, он стал подолгу отлучаться из дома.

Эфрон начал занимать всё более просоветские позиции, начал читать советскую прессу и литературу. В 1932 году Цветаева писала в одном из писем: *«С. Я. совсем ушёл в Сов. Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет»*. В 1930-е годы Эфрон начал работать в «Сою-

зе возвращения на родину», а также сотрудничать с советскими спецслужбами, – с 1931 года Сергей Яковлевич являлся сотрудником Иностранного отдела ОГПУ в Париже. Использовался как групповод и наводчик-вербовщик, лично завербовал 24 человека из числа парижских эмигрантов. Нескольких завербованных им эмигрантов – Кирилла Хенкина, в частности, – он помог переправить в Испанию для участия в гражданской войне. С 1935 года жил в Ванве около Парижа. К середине 1930-х принял твёрдое решение переехать в СССР, склонил к этому дочь Ариадну, пытался убедить других членов семьи. По словам Цветаевой, дома «темы, кроме Советского Союза, не было никакой».

Согласно одной из версий, Эфрон был причастен к убийству Игнатия Рейсса (Порецкого) (сентябрь 1937 года), советского разведчика, который отказался вернуться в СССР. Современные исследователи склонны считать, что роль Эфрона в убийства Рейсса сводилась к организации наружного наблюдения.

В октябре 1937 спешно уехал в Гавр, откуда пароходом – в Ленинград. В 1939 году в СССР вместе с сыном выехала Марина Цветаева, всегда выступавшая против возвращения в Советский Союз. По возвращении в Советский Союз Эфрону и его семье была предоставлена государственная дача НКВД в подмосковном Болшево. Первое время ничто не предвещало беды. Однако вскоре после возвращения Марины Цветаевой была арестована их дочь Ариадна.

Эфрон был арестован НКВД 10 октября 1939 года. В ходе следствия Эфрона разными способами (в том числе с помощью пыток — например, помещение зимой в холодный карцер) пытались склонить к даче показаний на близких ему людей, в том числе на товарищей из «Союза возвращения», а также на Цветаеву, однако он отказался свидетельствовать против них. После двух лет заключения и допросов физическое и психическое состояние Эфрона ухудшилось настолько, что его поместили в психиатрическое отделение Бутырской тюрьмы. Тюремный врач, проводивший его осмотр, фиксировал, что у Эфрона начались галлюцинации, по его словам, Эфрону казалось, что *«в коридоре говорят о нём, что его должны взять, что его жена умерла, что он слышал название стихотворения, известного только ему и его жене»*. Врач отмечал, что Эфрона стали посещать мысли о самоубийстве, *«чувство невероятного страха»*. Согласно заключению врача, *Эфрон страдает частыми приступами грудной жабы, хроническим миокардитом, в резкой форме неврастений, а поэтому работать с ним следственным органам можно при следующих обстоятельствах: 1) дневное занятие и непродолжительное время, не более 2–3 часов в сутки; 2) в спокойной обстановке; 3) при повседневном врачебном наблюдении; 4) с хорошей вентиляцией в кабинете*.

Цветаева написала несколько писем Берии, прося за Эфрона, но безрезультатно. Эфрон был осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания

6 июля 1941 года по ст. ст. 58-1-а («измена Родине»), 58-8 («террор») и 58-11 УК РСФСР («участие в контрреволюционной организации „Евразия“»). В своём последнем слове заявил: *«Я не был шпионом, я был честным агентом советской разведки»*. Решением Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам приговор оставлен в силе. 16 октября 1941 года был расстрелян на спецобъекте НКВД «Коммунарка» в составе группы из 136 приговорённых к высшей мере наказания заключённых, спешно сформированной в целях «разгрузки» тюрем прифронтовой Москвы. Реабилитирован посмертно 22 января 1956 года ВКВС СССР.

Ариадна провела 8 лет в исправительно-трудовых лагерях и 6 лет в ссылке в Туруханском районе и была реабилитирована в 1955 году.

Глава 2. Разведчики

Русских всегда недооценивали, а между тем они умеют хранить секреты не только от врагов, но и от друзей.

Уинстон Черчилль

В июле 1934 года Сталин включил ведомство госбезопасности в наркомат внутренних дел. Офицеры госбезопасности ходили в гимнастёрках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были крапового цвета. На гимнастёрку нашивался нарукавный знак красного цвета, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

Оперативные отделы объединили в Главное управление государственной безопасности НКВД. Внешняя разведка стала 7-м отделом ГУГБ НКВД. Начальником 7-го отдела утвердили Абрама Ароновича Слуцкого, служившего на Лубянке с 1920 года. Слуцкий получил высокое звание комиссара госбезопасности 2-го ранга. В армейской иерархии оно приравнивалось к званию генерал-полковника.

Слуцкий сам в начале тридцатых работал в Берлине, поэтому хорошо понимал проблемы резидентов. Умный и вежливый, он был способен выслушать и понять подчинённого. При нём штаты разведки составили двести десять человек. Слуцкий руководил и работой сотрудников НКВД, отправ-

ленных в республиканскую Испанию, где разгорелась гражданская война.

После парламентских выборов 1936 года у власти в Мадриде впервые оказались радикально настроенные социалисты. Главной силой стали коммунисты – благодаря своей организованности. Компартией руководил Хосе Диас, недавний анархист. Он страдал от рака желудка. В декабре 1938 года он уедет в Советский Союз. Не выдержав боли, в 1942-м в Тбилиси выбросится из окна.

На посту генерального секретаря его сменила Долорес Ибаррури по прозвищу Пассионария (то есть Страстная). 18 июля 1936 года на митинге она произнесла слова, ставшие знаменитыми: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»). Её имя облетело весь мир. Сколько миллионов людей гордо повторяли эти слова!

А консервативно настроенные военные считали, что левые служат мировому коммунизму. Офицеры решили, что придётся силой подавить безбожников и анархистов. В ночь на 18 июля 1936 года военные подняли мятеж. Его возглавил Франсиско Франко, который стал генералом в тридцать три года. Самый молодой генерал в Европе после Наполеона Бонапарта! В его личном деле было записано: «Является национальным достоянием». Ему присвоили высшее воинское звание генералиссимуса и почтительно именовали каудильо – вождём.

Гитлер и Муссолини признали режим Франко и оказали

ему военную помощь. А республиканцев поддержал Советский Союз. Приход к власти крайне левых в Испании, среди которых коммунисты играли главную скрипку, обрадовал Москву, где всё ещё ожидали мировой революции. Республиканцы получили оружие. Советские офицеры служили в испанской армии советниками или даже занимали высшие командные должности. В Мадрид командировали и чекистов.

19 августа 1937 года нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов отправил записку Сталину:

«Наш диверсионный отряд численностью в двенадцать человек под руководством тов. Орловского и его помощника тов. Ярошения Степана Павловича, находясь в глубоком тылу противника, 13 июня сего года в пятнадцати километрах северо-восточнее города Ель-Реаль (провинция Севилья) после ряда удачных операций наткнулся на засаду силой в тридцать человек. Во время перестрелки героически погиб наш работник тов. Ярошения Степан Павлович.

Тов. Ярошения был одним из руководителей организации взрывов поездов на железнодорожных линиях Севилья – Бадахос и Севилья – Касадыя.

Семья тов. Ярошения состоит из жены Надежды Ивановны и двух детей – одиннадцати и шести лет, проживающих в деревне Красная Слобода – БССР.

Ходатайствую о награждении тов. Ярошения орденом Красного Знамени, о выдаче семье тов. Ярошения, согласно

существующих положений, единовременного пособия в размере двадцати пяти тысяч рублей и о назначении семье тов. Ярошения, как семье командира, погибшего в Испании, персональной пожизненной пенсии в размере пятисот рублей в месяц».

Сталин согласился. А упомянутый в записке Ежова командир диверсионного отряда Кирилл Прокофьевич Орловский – человек невероятной судьбы.

Он окончил Поповщинскую церковно-приходскую школу. В 1915 году его призвали в царскую армию. Демобилизовали в январе 1918 года. В мае 1918 года начал служить в ЧК Оршанского уезда. В конце 1921 года Центральное бюро Коммунистической партии Белоруссии отправило Орловского на нелегальную работу в Западную Белоруссию, входившую в состав Польши. Под его руководством подпольщики убили сотню польских жандармов и помещиков. В 1937-м его командировали в Испанию. Вернулся с орденом Ленина.

В октябре 1942 года майор госбезопасности Орловский был отправлен на территорию оккупированной немцами Белоруссии. Свою группу он развернул в отряд специального назначения «Соколы», действовавший на территории Беловежской пуши.

Утром 17 февраля 1943 года в Машуковских лесах партизаны ждали на охоту генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе. Со своим отрядом Орловский подстерёг немцев на обратном пути. Перестреляли немцев и

полицаев. Но гауляйтера Кубе среди них не оказалось. У Орловского в руках разорвалась связка тола. Началась гангрена. Ему ампутировали правую руку пилой – без наркоза...

20 сентября 1943 года он получил Золотую звезду Героя Советского Союза. В декабре 1944 года полковник Орловский ушёл в отставку и стал председателем колхоза «Рассвет» в родном селе Мышковичи. В 1965 году получил вторую Золотую звезду – Героя Социалистического Труда.

Командированные в Испанию чекисты боролись не только против франкистов.

На стороне республиканцев сражались европейцы и американцы разных взглядов – антифашисты, идеалисты, романтики, а также искатели приключений и прирождённые авантюристы.

Иностранных добровольцев зачисляли в интернациональные бригады. Через интербригады прошли видные деятели компартий, будущие руководители социалистических стран. Приехали выдающиеся писатели – Эрнест Хемингуэй, Антуан де Сент-Экзюпери, Джон Дос Пассос. Но многие были сильно разочарованы увиденным в республиканской Испании.

Слущкий сам побывал в Испании. Объяснил своему коллеге из военной разведки Вальтеру Германовичу Кривицкому, позднее оставшемуся на Западе:

– Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающих туда

со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, – наши враги. Мы должны их выкорчёвывать.

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью интернациональных бригад взять страну под контроль. Его планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская.

В партии состояло сорок тысяч человек – большая сила. Партия сформировала из своих сторонников дивизию и отправила её на фронт. Лидер партии Андрес Перес Нин был очень популярен в Испании. Но члены Рабочей партии – в отличие от испанских коммунистов – симпатизировали Льву Троцкому, которого Сталин ненавидел и выслал из страны.

Люди Слуцкого получили приказ бороться с троцкистами, анархистами, анархо-синдикалистами: «Исключить троцкистов из всех антифашистских органов; троцкистов следует рассматривать не как антифашистов, а как авангард фашизма и агентуру гестапо».

Батальоны Рабочей партии расформировали. Рабочая партия марксистского единства была объявлена вне закона. В июне 1937 года сорок руководителей партии арестовали по сфабрикованным обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Лидера партии Андреса Нина арестовали. Потом вывезли из тюрьмы и убили. В архивах найдены телеграммы резидента внешней разведки в Испании – майора госбезопасности Александра Михайловича Орлова – относительно судьбы некоего Николая, который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днём исчезновения Андреса Нина.

Так разрушалось единство республиканских сил. Террор, устроенный левыми, сыграл на руку Франко. Испанцы испугались коммунистической диктатуры. Расправы вызвали разочарование интеллигенции, которая ехала в Испанию воевать против фашизма. В рядах Рабочей партии марксистского единства воевал британский писатель Джордж Оруэлл. Когда на его глазах партию уничтожили, он осознал опасность создаваемой коммунистическими вождями тоталитарной системы. И описал её в книгах, которые станут знаменитыми, – «Скотный двор» и «1984».

Ликвидация именовалась тогда «литерным делом». В августе 1937 года майор госбезопасности Орлов получил из Москвы указание уничтожить приехавшего в Испанию воевать за республику австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал Рабочую партию и был сторонником Троцкого.

Александр Орлов докладывал в Москву:

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подпо-

лье... Но я надеюсь, что мы и этот литер проведём так, как вы этого от нас требуете».

Курта Ландау нашли мёртвым.

В июле 1938 года Орлова, награждённого орденами Ленина и Красного Знамени, внезапно вызвали в Антверпен, где стояло советское судно «Свирь». Зная, что в Москве идут аресты чекистов, Орлов решил не рисковать. Вместе с женой и дочерью через Францию перебрался в США. Он самый высокопоставленный из ушедших на Запад чекистов. Автор написанной в 50-е годы, а у нас – опубликованной в начале перестройки книги «Тайная история сталинских преступлений».

Руководитель советской разведки Абрам Слуцкий, награждённый двумя орденами Красного Знамени и двумя знаками «Почётный чекист», скончался 17 февраля 1938 года прямо на рабочем месте. Его похоронили со всеми почестями, «Правда» поместила некролог. Но вокруг его скоропостижной кончины и по сей день ходят разные слухи.

В тот день, 17 февраля, Слуцкого пригласил к себе первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский. Через полчаса к Фриновскому срочно вызвали заместителя начальника разведки Сергея Михайловича Шпигельгласа. В просторном кабинете замнаркома Шпигельглас увидел неподвижное тело Слуцкого, упавшего с кресла. На столике – стакан чаю и тарелка с печеньем.

Шпигельглас предложил вызвать врача. Фриновский ска-

зал, что врач только что заходил:

– Медицина бессильна. Сердечный приступ.

Уже арестованный Ежов, бывший нарком внутренних дел, на допросе подписал показания, из которых следует, что это он распорядился убить начальника внешней разведки.

Но история с отравлением вызывает сильные сомнения. Уже после смерти, в апреле 1938 года, Слуцкий был исключён из партии как враг народа. Иначе говоря, если бы не умер сам, его бы посадили и расстреляли.

Абрам Слуцкий был тяжёлым сердечником. Как и председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, принимал посетителей, лёжа на диване. Скорее всего, он действительно умер от сердечного приступа.

Летом 1938-го резидент советской разведки в Испании Александр Орлов получил приказ прибыть 14 июля на советское судно «Свирь» в Антверпене. Он понимал, что прямо на борту его арестуют. За сутки до намеченной встречи, 13 июля, он с супругой и маленькой дочерью тайно отбыл во Францию, откуда пароходом Montclare из Шербура прибыл в Канаду, а затем перебрался в США. Советская контрразведка планировала уничтожить его как носителя большого числа секретов. Пока вопрос о ликвидации Орлова обсуждался, на имя наркома НКВД Ежова пришло письмо, попавшее на стол Сталина. Оно и решило судьбу резидента.

Александр Орлов (Лейба Лазаревич Фельдбин) родился

21 августа 1895 года в Бобруйске Минской губернии. Много лет спустя после того знаменательного для него июля 1938-го он вспоминал, как мальчишкой ездил с отцом в минский синематограф «Иллюзион». Они смотрели новую, как тогда говорили, фильму, покупали в буфете шоколадные конфеты фабрики кондитерских изделий Жоржа. Потом гуляли по Захарьевской, глядя на блистающие витрины лавок.

После учёбы в гимназии Александр отправился в Москву, где год проучился в Лазаревском институте восточных языков, столько же на юридическом факультете Московского университета. Но Первая мировая внесла свои коррективы. Юноша оказался на фронте. Впереди были Октябрьская революция, Гражданская, Советско-польская войны. Парень сделал выбор в пользу большевиков и быстро возглавил спецотряд Особого отдела 12-й армии. Именно этот этап помог ему обзавестись связями в среде зарождающего высокопоставленного советского офицерства, впоследствии попасть в разведку.

После демобилизации в 1921-м ему удалось получить образование в школе правоведения при Московском университете.

В 1925-м Орлов уже командовал отрядом погранвойск ОГПУ в Закавказье. Это произошло не без помощи двоюродного брата Зиновия Кацнельсона, председателя Транскавказского ОГПУ. Именно в тот период Александр сообщил в личных письмах матери о том, как с маленькой доче-

рю катался на лодке, как попали под ледяной ливень. Промокли до нитки. Предполагали, что у 4-летней Вероники простуда, а оказалось – ревматизм, неизлечимая по тем временам болезнь. Кроме того, хворь дала осложнение на сердце. К этому времени некоторые коллеги по Особому отделу 12-й армии уже работали в Иностранном отделе ОГПУ и приказом перевели Александра в своё ведомство с перспективой выезда за границу. Для семьи это подарок. Карьера карьерой, но появилась надежда на лечение дочери у европейских врачей. Ведь резиденты, особенно под прикрытием, часто выезжали на работу с семьями. Тем более жена Мария Рожнецкая была настоящей помощницей во всех начинаниях, потом стала коллегой, выполняя задания резидента, а по совместительству мужа.

Под видом представителя советского торгпредства Орлов начал регулярно выезжать в длительные командировки во Францию, в Германию, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Великобританию. Обрастал связями, прислушивался к разговорам и однажды понял, что в Кембриджском университете работают и учатся просоветски настроенные молодые люди. Если выражаться более точно, то они были не столько сторонниками коммунистов, сколько антифашистами. Вместе с коллегой Арнольдом Дейчем Орлов работал над вербовкой Кембриджской группы агентов, включая позже ставшего знаменитым Кима Филби. Завербовали их не шантажом или деньгами. Они дали согласие сотрудничать

по идейным соображениям. Позже стали высокопоставленными чиновниками в Великобритании. Благодаря информации Кембриджской пятёрки СССР своевременно начал работу по атомному проекту в 1941-м, вовремя подготовился к битве на Курской дуге в 1943-м. За годы войны от Филби поступило в Москву более 900 донесений.

Путешествия продолжались. В Париже Орлов получил канадскую визу, а прибыв в Оттаву, смог стать обладателем и американской визы. Многие родственники из Минска и Бобруйска проживали в США с дореволюционных времён. С их помощью под видом представителя «Льноэкспорта» СССР он начал изучать возможность создания обширной разведывательной сети в США. Смог сформировать её основу, преимущественно из эмигрантов, недовольных американской социальной политикой. Потом с помощью советского нелегала Абрама Айнхорна и небольшой взятки получил американское гражданство и паспорт на имя Уильяма Голдина. Этот документ позже спас ему жизнь. А пока его ожидала поездка в Берлин.

В Германии Александр подготовил и успешно осуществил операцию под условным названием «Бурильщик». Немецкий промышленник Крупп предлагал Советскому Союзу технологию изготовления промышленных алмазов, необходимых для бурения, например, нефтяных скважин. СССР готов был купить завод по их производству. Но продавец явно завышал цену. И тогда решили похитить технологию.

Неподалёку от немецкого завода в пивной Орлов завёл разговор с рабочими. Он утверждал, что пишет научное исследование о твёрдых сплавах. Ему рекомендовали поговорить с одним из заводских техников. Через техника удалось выйти на уволенного с завода инженера, он изобрёл печь, в которой алмазы окончательно кристаллизировались. Всё бы хорошо, но изобретатель – нацист и презирал СССР. Орлов выдал себя за шведа и купил чертежи. Но выяснилось, что технически не всё так просто. Немецкий рационализатор должен был присутствовать при монтаже и пуске своего детища в эксплуатацию. Теперь его требовалось убедить подписать контракт на работу в СССР. Орлов решил действовать через супругу инженера. Её начали регулярно снабжать деньгами на наряды и развлечения втайне от мужа. Дама быстро привыкла к хорошей жизни и вскоре убедила супруга. Контракт подписан! Советский Союз получил промышленные алмазы.

В числе достижений Орлова особняком стоит история со шведским спичечным магнатом. Разведчик умудрился убедить его, что СССР вот-вот завалит мировой рынок дешёвыми спичками. Для шведа это разорение, и он выплачивает Советскому Союзу 300 тысяч долларов отступных, чтобы советский товар не попал на Запад. А это примерно 6 млн по нынешним расценкам. Как оформили эту финансовую сделку, до сих пор неизвестно, особенно учитывая, что вся операция – чистейший блеф. Но Орлову, рисковому искателю приключений, удалось всё рассчитать и предугадать. Другой

вопрос, какое отношение к задачам резидентуры имело это мошенничество? Разведчики, чтобы выдать себя за обывателей, часто занимались предпринимательской деятельностью с целью пополнить бюджет резидентуры. Орлов избрал такой путь к быстрым деньгам. В искусстве убеждать он был мастером.

Когда 17 июля 1936 года испанский генерал Франко поднял мятеж против республиканского правительства и началась гражданская война в Испании, эта страна за несколько дней превратилась в самую важную для советской разведки.

Одним из первых по линии спецслужб в Испанию прибыл майор госбезопасности Александр Орлов, он же Лев Никольский, он же Лейба Фельдбин («Швед», «Лёва»). Опыта ведения закулисных акций этому сотруднику ОГПУ – НКВД было не занимать. Он работал в Париже, в Лондоне (главный оператор агента Кима Филби), в Риме, Эстонии и Швеции, руководил экономической разведкой в центральном аппарате родного ведомства, где слыл удачливым и перспективным нелегалом.

Однако в Испанию он попал не столько «по зову сердца», сколько в силу стечения обстоятельств. В августе 1936-го его любовница, молодая сотрудница НКВД Галина Войтова, застрелилась после их разрыва прямо перед зданием Лубянки. Орлову-Никольскому грозили большие неприятности по партийной линии, но его выручил начальник Иностранного отдела (ИНО) Главного управления госбезопас-

ности НКВД Абрам Слуцкий, связанный со «Шведом» узлами старой дружбы. Воспользовавшись периодом «междущарствия», когда кресло под главой «конторы» Ягодой уже тряслось, а выдвиженец Ежов ещё только готовился к своему карьерному взлёту, Слуцкий предложил кандидатуру Орлова на пост резидента в Испании, и это назначение прошло без сучка и задоринки.

Орлов по личному распоряжению Сталина поехал в Мадрид в качестве резидента, а на деле – главного советника республиканского правительства по безопасности. Фактически он курировал боевые операции и разрабатывал методы противостояния франкистам.

Учитывая масштабность задач, ему дали в помощь двух заместителей. Одним из них был майор госбезопасности Наум Эйтингон («Том», «Пьер»), получивший в Испании известность как «генерал Котов». Он отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и за внедрение нашей агентуры в верхушку фашистского движения.

Второй заместитель – старший лейтенант ГБ Наум Белкин («Кади», «Марков») к моменту описываемых событий объехал едва ли не всю планету. Свободно владея испанским, французским, английским и арабским, он выполнял секретные поручения в Болгарии, Югославии, Германии, Уругвае, Саудовской Аравии, Йемене и Ираке.

В Испании перед ним поставили задачу координировать совместную деятельность с представителями испанско-

го МИДа, а также руководить особыми отделами республиканской армии.

Как видим, руководящее ядро резидентуры состояло из крепких профессионалов, для которых практически не существовало языкового барьера. Последнее обстоятельство имело особое значение, поскольку в Испанию начали прибывать добровольцы-интернационалисты из различных стран мира.

16 октября Александр Орлов получил из Центра шифровку за подписью «Иван Васильевич». Она начиналась фразой: «Передаю вам личное распоряжение Хозяина...»

Особый пункт гласил: «Если испанцы потребуют от вас расписки, откажитесь, повторяю, откажитесь подписывать какой бы то ни было документ и объясните, что формальная расписка будет выдана Государственным банком в Москве».

Псевдоним Иван Васильевич принадлежал новому наркому Ежову, вступившему в должность буквально накануне отъезда Орлова. Речь шла о золотом запасе Национального банка страны, который лидеры республиканской Испании ввиду угрозы захвата Мадрида мятежниками решили передать на хранение в Москву.

В Советский Союз предполагалось отправить жёлтого металла на сумму 518 миллионов долларов в виде золотых слитков, брусков и редких монет. Общий вес драгоценного металла, предназначенного к перевозке, составлял более 510 тонн. Эту массу упаковали в 7800 ящиков стандартного раз-

мера по 65 килограммов золота в каждом. Просьба испанцев была встречена в Москве с пониманием.

Орлов энергично взялся за дело, не зная того, что шифровку перехватили агенты адмирала Канариса.

20 октября, как только было получено известие о согласии советской стороны, испанцы приступили к перевозке золота из Мадрида на побережье, в Картахену – главную базу испанского флота на Средиземном море. В огромной горе, нависающей над портом, имелась гигантская пещера, где ещё в старину были оборудованы пороховые склады.

Именно в эту пещеру по серпантинной горной дороге доставили ящики с золотом. Охрану ценного груза несли самые надёжные агенты Орлова, имевшие приказ при малейшем подозрении открывать огонь на поражение. Все подходы к пещере контролировали испанские подводники.

Чтобы пресечь волну слухов, в местных газетах опубликовали заметку, будто в пещере устроен лазарет для доставляемых с фронта больных дизентерией. Золото в целях безопасности решено было распределить по четырём советским судам, которые уже стояли в порту: «Нева», «Кубань», «КИМ» и «Волголес». Испанские военные корабли охраняли подступы к причалам с моря.

Но сначала требовалось перевезти ценный груз из пещеры в порт, что было совсем непростой задачей.

К тому времени франкистская авиация почти непрерывно бомбила порт и подъездные пути к нему. Надо полагать,

немцы поделились с Франко перехваченной информацией.

Да и среди ответственных работников военно-морской базы могли оказаться предатели.

Орлов предложил перевозить золото в тёмное время суток на грузовиках с погашенными фарами. Чтобы не сорваться с узкого горного серпантина вниз, от водителей требовалось исключительное мастерство и хладнокровие. Орлов привлёк к этой рискованной акции два десятка наших танкистов-добровольцев, переодетых в испанскую военную форму.

За три ночи смельчаки перевезли без потерь все 7800 ящиков, которые сразу же перегружались на суда.

Советские корабли, на каждом из которых находился представитель Национального банка Испании, уходили из Картахены с суточным интервалом.

Уже позднее выяснилось, что спецслужбы Третьего рейха, а также Англии, Франции и Италии непрерывно вели наблюдение за «золотым караваном» не только с воздуха и с моря, но даже из-под воды. Известно, в частности, что при прохождении советских судов мимо Сицилии на этот остров были переброшены итальянские подводные диверсанты князя Боргезе. И всё же никто из охотников не рискнул перехватить испанское золото. Так или иначе, все четыре наших судна благополучно прибыли в Одессу. Вождь не скрывал своего удовлетворения. Александра наградили орденом Ленина.

С декабря 1936 года Орлов и его команда занимались

организацией контрразведывательной службы республиканцев – СИМ, создавали диверсионные школы для подготовки партизанских групп, нацеленных на работу в тылу противника, разоблачали франкистскую агентуру в рядах защитников республики.

Периодически Орлов выезжал в небольшой французский пограничный городок, где встречался с Кимом Филби, который по заданию советской разведки работал «по ту сторону баррикад», сначала в качестве «свободного» журналиста, аккредитованного при штаб-квартире генерала Франко, затем спецкора популярной газеты «Таймс».

Игра в «попутчика фашистов» получалась у Филби столь искусно, что Франко наградил его орденом, который вручил лично.

Вращаясь в ближайшем окружении диктатора, Филби собирал важную оперативную информацию, которая представляла значительный интерес для республиканского командования. В какой-то момент возникла идея организовать при участии англичанина покушение на Франко, но от неё благоразумно отказались.

Вряд ли Филби, английский аристократ с идеалистическими взглядами на мир, знал, что Орлов курирует операцию по аресту и внесудебному уничтожению приверженцев антисталинской Рабочей партии марксистского единства в Каталонии. В июне 1937-го Александр организовал похищение из тюрьмы и убийство лидера испанских антисталинцев

Андреса Нина. Правда, собственноручно Орлов не совершал казни. Андреса Нина убил литовец по фамилии Григулевич. В Испании так и не удалось установить коммунистический режим, все эти смерти были напрасными.

Когда Орлову велели 14 июля 1938 года прибыть на советское судно «Свирь» в Антверпене, он уже знал, что расстрелян его двоюродный брат Зиновий Кацнельсон. Что уничтожены многие основатели ВЧК. Что в 1937-м отозваны в Москву и расстреляны полномочные представители СССР в Мадриде Марсель Розенберг и Леонид Гайкис. Ехать туда, где его ждёт гибель, где супругу отправят в лагерь, а большую дочь – в детский дом, Орлову, естественно, не хотелось. Тут-то и пригодился американский паспорт. С документами жены тоже всё устроили.

Так семья оказалась в Америке, откуда Александр пишет письмо-обвинение, письмо-угрозу на имя Ежова, зная, что оно попадёт к Сталину. Конверт был передан через надёжный источник. В нём Орлов объясняет мотивы своего бегства: страх за семью, нежелание погибнуть от рук палачей. А главное – даёт понять: ему многое известно о деятельности советской разведки. Но он готов молчать, если его оставят в покое. «Если я замечу слежку или кто-то в БССР тронет мою мать, я предам огласке все сведения, которые знаю», – угрожал разведчик вождю. На случай гибели компромат хранился в депозитарии одного из банков, доступ к которому был у адвоката. Список тайных операций и агентов совет-

ской разведки, о которых Орлов был осведомлён, прилагался к письму. Это и подготовка убийства Троцкого, которое ещё не осуществили на тот момент, и Кембриджская группа с Кимом Филби, а также вся агентурная сеть Европы. В финале он написал: «Всё это никогда не увидит свет при выполнении моих требований». Был отдан приказ не трогать Орлова. Он победил в самой главной схватке в жизни. Но помочь дочери не смог. Девушка не дожидая до совершеннолетия. Действительно, никакая информация не просочилась от него на допросах в ФБР. Он говорил только то, что федералы и так знали. Джон Эдгар Гувер, директор ФБР, требовал арестовать и депортировать советского разведчика. И тогда Орлов пошёл на псевдосотрудничество с властями, рассказал о своей работе и проведённых операциях. Вот только люди, о которых он говорил, были либо мертвы, либо давно вернулись в Москву.

Жили Орловы в США безбедно. При бегстве в 1938-м он увёз с собой 90 тысяч долларов из оперативной кассы резидентуры. Деньги, которые по своей покупательской способности сегодня равны примерно 2 млн долларов, обеспечили достойное существование. Что ж, для СССР он заработал больше. Кроме того, Орлов преподавал, писал книги. Но тайны, о которых он обещал молчать, остались с ним на всю жизнь. Советская разведка всё же разыскала его в 1969-м. Полковник Михаил Феоктистов, работавший под псевдонимом Георг в нью-йоркской резидентуре, явился к супру-

гам Орловым прямо домой. Жена Мария держала незваного гостя на мушке пистолета, а он уверял, что на родине и в «конторе» к Орлову не относятся как к шпиону или предателю. Звал обратно в Москву. Александр лишь рассмеялся. Он жалел, что пришлось стать невозвращенцем. Страну, которая его воспитала, любил и всю жизнь вспоминал минский синематограф «Иллюзион», сладкую карамель и шоколадные конфеты фабрики кондитерских изделий Жоржа, которыми торговали на Захарьевской улице. Но ему в том 1969-м стукнуло уже 74 года. Что-то менять в жизни было слишком поздно.

С декабря 1936 года, как было сказано, Орлов и его команда занимались организацией контрразведывательной службы республиканцев – СИМ, создавали диверсионные школы для подготовки партизанских групп, нацеленных на работу в тылу противника, разоблачали франкистскую агентуру в рядах защитников республики.

Эйтингону, в свою очередь, удалось привлечь к сотрудничеству ряд функционеров из стана противника, включая племянника главы испанских фалангистов Антонио Примо де Риверы. Этот источник информировал нашу разведку о контактах франкистов с немцами и итальянцами, сообщал о сроках прибытия на Пиренеи новых германских самолётов, итальянских дивизий, португальских военнослужащих, а также передавал копии личной переписки Муссолини и

Гитлера и стенограмм совещаний, посвящённых военной теме. Резидент Орлов и его помощники контролировали этот контингент, выбирали подходящие для оперативной работы кадры и вербовали их.

В сентябре 1936 из Буэнос-Айреса через Антверпен в Испанию прибыл по путёвке ЦК КП Аргентины молодой интернационалист Иосиф Григулевич, выходец из немногочисленного народа караимов. Он родился в Вильно, окончил местную гимназию. С юношеских лет связав свою судьбу с революционной борьбой, Иосиф вынужден был бежать в Париж, оттуда в Аргентину, где в совершенстве овладел испанским.

В Испании он воевал в самой боеспособной части республиканской армии – легендарном Пятом полку, позднее стал помощником начштаба Центрального фронта.

Здесь-то на крепко сбитого, выносливого, сообразительного добровольца и обратил внимание «Швед».

В конце сентября 1937 года на Пиренейском полуострове появился ещё один ас советской внешней разведки.

Речь идёт о бывшем белом генерале, эмигранте Николае Скоблине («Фермере»), завербованном ОГПУ в 1930 году в Париже. Завербована была и его жена, известная певица Надежда Плевицкая. Последняя операция Скоблина – участие в похищении председателя РОВС генерала Миллера – прошла успешно, но сам «Фермер» был разоблачён и спасся лишь благодаря своей находчивости.

Агенту удалось добраться до юга Франции, откуда за-

фрахтованный Орловым самолёт, доставил его в Барселону.

Скоблину поручили организацию диверсионных групп, но развернуться тот не успел – погиб при одной из бомбардировок Барселоны.

Помимо НКВД, в Испании действовала советская военная разведка. Практически одновременно с Орловым на Пиренейский полуостров прибыл в качестве главного военного советника «генерал Гришин», он же Ян Берзин, недавний руководитель разведупра РККА, разработчик многих хрестоматийных секретных операций. В феврале 1935-го Берзин оказался в опале. Его сняли с должности и отправили в «почётную ссылку» на Дальний Восток.

Но в августе 1936-го срочно вызвали в Москву и предложили ехать в Испанию. Это назначение он прогнозировал и охотно принял его. Прибыв на место, Берзин установил доверительные деловые отношения с руководителями республики, включая главу правительства Ларго Кабальеро и министра обороны.

В подчинении Берзина оказались, с одной стороны, наши военные советники, многие из которых впоследствии прославились как видные полководцы, – Малиновский, Мерецков, Воронов. С другой стороны, в его ведении находились асы подрывной войны, «диверсанты от Бога», такие как Хаджи Мамсуров («полковник Ксанти»), Илья Старинов («Рудольфо»), Василий Троян и другие.

34-летний майор советской военной разведки Хаджи-

Умар Мамсуров, высокий, широкоплечий, с осиной талией и белозубой улыбкой, по национальности был осетином, но здесь, на Пиренеях, одни принимали его за испанца, другие – за баска. О его подвигах ходили легенды. Рассказывали, что он собрал самых отчаянных «геррильерос» (партизан) и сформировал из них мобильные диверсионные группы, которые периодически пересекали линию фронта. Они взрывали артиллерийские склады и самолёты, линии коммуникации и мосты; пускали под откос поезда с военной техникой и живой силой противника, а затем возвращались обратно, нередко с потерями.

Познакомившийся с Мамсуровым при посредничестве Михаила Кольцова американский писатель Эрнест Хемингуэй напросился однажды принять личное участие в одной из диверсионных вылазок. Через некоторое время, в марте 1937-го, Хемингуэя привезли в учебно-тренировочный лагерь «геррильерос», провели с ним необходимый инструктаж. И вот наконец с группой в составе десяти партизан он отправился за линию фронта.

Каждый боец нёс на себе 20-килограммовый рюкзак с брусками взрывчатки, но писателя всё же освободили от подобной ноши, иначе он просто не дошёл бы до места.

Единственным диверсантом в группе, кто немного говорил по-английски, был выходец из русских эмигрантов. Он назвал писателю свою подлинную фамилию – Савинков, добавив, что его отцом был известный русский террорист.

Так Хемингуэй открыл для себя, что за республику сражаются разные русские: не только красные, но и те, кого относили к их идеологическим противникам.

(Справедливости ради следует уточнить, что немало бе-лоэмигрантов воевало на стороне Франко.)

Группа выполнила задание, пустив под откос поезд с боеприпасами, при этом Хемингуэй сделал несколько фотоснимков.

Учитывая, что писатель держался молодцом, Ксанти разрешил ему принять участие ещё в одной операции.

На этот раз «геррильерос» взорвали стратегически важный мост в горах. Именно этот эпизод помог Хемингуэю организовать весь собранный им испанский материал и найти основную сюжетную линию задуманного романа, получившего название «По ком звонит колокол».

Илья Старинов прибыл в Испанию в качестве советского военного советника осенью 1936 года и вскоре прославился как «камарада Рудольфо».

Старинов учил своих испанских подопечных не только установлению серийных мин, но и принципам изготовления мин-самоделок из подручных материалов, устройству хитроумных ловушек, смекалке и наблюдательности.

Одна из самых громких его акций была проведена в феврале 1937 года. Накануне стало известно, что франкисты ожидают подкрепления в составе итальянских частей, которые должны были прибыть поездом на важный железнодоро-

рожный узел Кордова.

Последовал приказ пустить эшелон под откос.

Дело, однако, осложнялось тем, что никто из группы Старинова не ориентировался в этой местности.

Тогда партизаны захватили двух франкистских солдат, нёсших охрану железнодорожных путей. Языки вывели партизан к неохраняемому участку полотна, проходившего по краю глубокого оврага с крутыми откосами.

Едва партизаны заложили взрывчатку, как вдали показались огни локомотива. Через несколько минут прогремел мощный взрыв. В этом крушении полностью погиб личный состав штаба итальянской авиадивизии.

Ещё через неделю бойцы «Рудольфо» пустили под откос эшелон с марокканской кавалерией, а спустя какое-то время состав с боеприпасами под Монторо.

Франкисты паниковали, теряясь в догадках, где ждать следующего удара. Они выделяли для охраны железных дорог всё больше солдат, устанавливали круглосуточные посты на наиболее опасных участках, постоянно вели поиск минных устройств, но взрывы всё равно продолжали греметь.

Зато в республиканском лагере имя неуловимого «великого диверсанта» обрастало легендами.

Встретиться с ним стремились журналисты из многих популярных изданий, аккредитованных в Испании, благодаря которым советский разведчик вскоре получил мировую известность – правда, под именем Рудольфо.

На линии Сарагоса – Лерида эффективно действовали группы диверсантов, подготовленные Василием Трояном. Они нападали на штабы, склады, прочие военные объекты, разрушали линии связи. Применяя мины замедленного и мгновенного действия, сбрасывали под откос поезда, разрушали дороги. Особенно успешными были диверсии в горах: если взрыв не уничтожал машину, то она под действием взрывной волны всё равно падала в пропасть.

Между тем республиканские спецслужбы Испании при поддержке «камарада русо» переключались на борьбу с внутренним врагом. К этой категории причислялись троцкисты, анархисты, а также лидеры Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), которые хоть и сражались отважно против Франко, но громко заявляли о своём нежелании «плясать под дудку Москвы».

Для выжигания «скверны» Орлов создал мобильные диверсионные группы, куда вошёл и «Мигель».

В ту пору Григулевич искренне верил, что Троцкий и его последователи сознательно вредят единству мирового коммунистического движения, клеветают на Советский Союз, сотрудничают с полицией и фашистами.

Они были врагами, а врагов надо уничтожать.

Именно группа Григулевича совершила самую громкую акцию возмездия, фигурирующую в архивах НКВД как операция «Николай». Суть в том, что в мае 1937 года по обвинению в связях с франкистами был арестован лидер ПОУМ

Андрес Нин. Республиканские власти готовили показательный процесс, который, однако, мог провалиться, ибо обвинение было шито белыми нитками, а сам Нин твёрдо заявлял о своей невиновности.

20 июня диверсионная группа Григулевича выкрала Нина из тюрьмы, после чего тот был убит.

В составе группы боевиков находились также немецкие антифашисты, бойцы диверсионного партизанского отряда.

Участие немцев в этой акции должно было подтвердить версию Орлова о причастности немецких спецслужб к похищению Нина, якобы своего агента, из республиканской тюрьмы.

Вместе с тем скандал, связанный с мнимым побегом Нина, так и не был окончательно урегулирован. И вообще, республиканское правительство крайне болезненно отреагировало на этот инцидент. Тем не менее вслед за Нином были похищены и казнены многие другие видные троцкисты и анархисты.

Ещё до побега «Шведа» на родину отозвали многих наших разведчиков. Весной 1937 года неожиданно отозвали Берзина. В Москве ему вручили орден Ленина и вновь назначили на должность начальника разведупра.

Но уже в декабре последовал новый арест, а 29 июля 1938-го жизнь видного организатора военной разведки оборвалась.

В течение 1937 года отозвали «великих диверсантов» —

Мамсурова и Старинова. Впоследствии оба участвовали в Советско-финской войне. Сразу же после побега Орлова один из его заместителей Белкин был отозван в СССР и уволен из органов «за невозможностью дальнейшего использования». Лишь в ноябре 1941-го он был восстановлен в кадрах НКВД.

Иначе сложилась судьба Эйтингона. Именно он, «генерал Котов», возглавил «осиротевшую» резидентуру.

После поражения республиканцев «Котов» руководил эвакуацией советских специалистов и добровольцев из Испании в СССР, затем перебрался во Францию, где восстановил остатки испанской агентурной сети НКВД.

В органах он дослужился до звания генерал-майора (1945), был награждён многими высокими орденами.

Неприятности для него начались лишь в 1951 году, когда он, как и многие другие чекисты-евреи, был арестован по так называемому делу о сионистском заговоре в МГБ. Но это отдельная история.

Советские коммунисты, захватившие власть «на волне» Первой мировой войны, с 1917 года готовились к следующему глобальному конфликту, который, по их мнению, должен был завершиться историческим триумфом пролетариата.

Ради победы командование Красной армии готово было применить любое оружие, в том числе и наделавшие шума «лучи смерти» Николы Теслы. После кровавых событий

1914–1918 годов, когда впервые в больших масштабах были применены отравляющие газы и огнемёты, многим казалось, что к следующей мировой войне люди изобретут ещё более смертоносное оружие. Особенно боялись этого большевики, находившиеся в конфронтации со всем западным миром. Тема «лучей смерти» нередко поднималась в советской прессе двадцатых. Большое внимание привлекло, например, изобретение англичанина Гриндель-Мэтьюса, который якобы создал прожектор, способный на расстоянии останавливать работающие моторы. «Невидимые лучи Мэтьюса бросают яркий свет на тайну той новой войны, которую пацифисты и реформисты усиленно готовят. Подготовка ведётся в конторах трестов и банков, в лабораториях учёных и изобретателей, в генеральных штабах армий. Все эти приготовления окружены непроницаемой тайной. Обо всех невидимых лучах будущей войны мы знаем только, что они несут смерть и разрушения», – пугал в 1924 году читателей «Огонька» писатель Дмитрий Петровский. И хотя автор закончил статью традиционным пассажем о том, что предотвратить войну поможет «социальная революция», на деле командование Красной армии было не прочь обзавестись собственными «лучами смерти». Кроме Мэтьюса, разработками супероружия в начале XX века занимались итальянцы Гульельмо Маркони и Джулио Уливи, американец Эдвин Скотт, инженер Грейхен из Германии и многие другие. Однако наиболее перспективным в Москве сочли изобретение

Никола Тесла. 11 июля 1934 года газета The New York Times сообщила, что Тесла создал оружие, «достаточно мощное, чтобы уничтожить 10 тысяч самолётов на расстоянии 250 миль». Сам изобретатель утверждал, что это «самая важная из 700 его разработок». Разрекламировав свой проект через прессу, Тесла вышел на связь с советским генеральным консулом в Нью-Йорке Леонидом Толоконским. «Это изобретение он хотел бы предложить советскому правительству, которое, как он знает, единственное действительно борется за мир, а его изобретение является средством обороны, т. е. средством, обеспечивающим мир. Тесла говорил также, что он как славянин глубоко симпатизирует огромным успехам нашей славянской страны», – докладывал через некоторое время Сталину нарком обороны Климент Ворошилов, как пишет Евгений Матонин в своей книге «Никола Тесла». Штабу Красной армии уже приходилось рассматривать похожие заявки от отечественных инженеров, на деле оказавшиеся «пшиком». Например, установка академика Абрама Иоффе, заинтересовавшая председателя Реввоенсовета Михаила Тухачевского, требовала для работы целой электростанции. Неэффективным оказалось и «лучевое орудие» инженера Смирнова. Однако репутация Теслы была очень высока, поэтому русские решили вступить в переговоры с ним. Сделка была оформлена в 1935 году через «Амторг» – государственное предприятие, ведавшее торговлей с США. Советский Союз заплатил Тесле \$25 тысяч за полную

информацию об устройстве, подробные чертежи и спецификации. Выяснилось, что Тесла придумал своего рода пушку, стреляющую заряженными микрочастицами со скоростью, близкой к скорости света. Однако это был лишь теоретический проект, не воплощённый на практике. По-видимому, в Советском Союзе установка по бумагам учёного также не была построена. Возможно, повлияли армейские репрессии 1937-го и расстрел Тухачевского. А возможно, Тесла попросту обманул русских военных. Известно, что помимо Москвы изобретатель рассылал аналогичные предложения правительствам родной Югославии, США, Великобритании и Франции. Однако ни в одной из этих стран «лучами смерти» во время Второй мировой войны также не воспользовались.

В 1920-е годы художники Давид Альфаро Сикейрос и Диего Ривера (Diego Rivera), который был также активным членом Коммунистической партии, отправились в Москву для участия в конгрессе Коммунистического интернационала.

Тогда Давид Альфаро Сикейрос продемонстрировал безоговорочную поддержку Сталину, а Диего Ривера, напротив, сочувствовал идеям Льва Троцкого, хотя впоследствии отошёл от троцкизма. В свою очередь Давид Альфаро Сикейрос сохранил верность идеям сталинизма, даже когда руководил военными действиями в Испании.

В 1936 году президент Мексики Ласаро Карденас (Lázaro Cardenas) по просьбе Риверы предоставил Льву Троцкому

политическое убежище. Сикейрос с другими сторонниками сталинизма начали планировать убийство советского революционера и врага Сталина.

В конце концов, ранним утром 24 мая 1940 года была предпринята попытка покушения на Троцкого. Сам Сикейрос с двадцатью товарищами ворвался в дом Троцкого и его супруги Натальи Седовой на проспекте Вьена в районе Койоакан.

Устранив одного из охранников, они вошли в дом, приблизились к спальне хозяев и начали стрелять во все стороны. Троцкий и его супруга чудом остались целыми и невредимыми. До сих пор можно увидеть отверстия от пуль в стенах дома, который сегодня является домом-музеем Льва Троцкого.

После нападения, чтобы не попасть в тюрьму, Сикейрос бежал в чилийский город Чильян. Там он создал фреску «Смерть захватчикам» (*Muerte al invasor*), которая сегодня является главной достопримечательностью города.

Дело завершил каталонский коммунист Рамон Меркадер (*Ramón Mercader*), который ударом ледоруба убил человека, сначала занимавшего самое высокое положение в Советской России после Ленина, а затем ставшего главным врагом Сталина. «На Льва Троцкого было совершено покушение, вызвавшее большой резонанс. По последним неподтверждённым сведениям, врачи не думают, что удастся его спасти», — сообщило издание ABC незадолго до того, как стало извест-

но, что 21 августа 1940 года лидер большевиков скончался в Койоакане (Coyoacán), Мексика. Причиной послужили раны, нанесённые в результате нападения.

Меркадера задержали, но тогда его настоящее имя ещё никто не знал. Убийца использовал разные фальшивые имена, например, Фрэнк Джексон (Franc Jacson) или Жак Морнар (Jacques Mornard). Именно так он представился на суде. Только спустя много лет удалось узнать, кем на самом деле был этот каталонский коммунист, решающее влияние на которого оказала его мать. Она поддерживала отношения с руководителями Коммунистического интернационала и грозным НКВД. Несмотря на то, что СССР не раз пытался освободить Рамона Меркадера из тюрьмы, он отбыл свой срок в Мексике. Выйдя на свободу в 1960-году, он отправился в СССР, где его удостоили звания Героя Советского Союза.

Хотя некоторое время Рамон жил в Чехословакии, «потому что мог свободно путешествовать», он работал переводчиком в советской столице. Выйдя на пенсию, он вёл обычную жизнь с женой Рохелией (Rogelia), мексиканкой, на которой женился после 1940 года, и детьми.

Рамон Меркадер умер от рака костей в Гаване через год. Его останки перевезли с Кубы в Москву. Вокруг его смерти, как и вокруг жизни, также строили много догадок.

Скромный долговязый 18-летний московский паренёк, ученик электромонтёра, безотцовщина, Саша Коротков к 1927-му освоил «буржуазный» теннис. Спарринг-партнёры

на кортах «Динамо» у него были из ЧК. И осенью 1928-го помощник зампреда ОГПУ Вениамин Герсон предложил ему работу на Лубянке. Для начала – электромехаником по лифтам в хозяйственном отделе.

Не прошло и года, как Александр уже работал в легендарном Иностранном отделе. Выяснилось, что помимо отличной физподготовки у него ещё и способности к языкам. Короткова стали готовить к нелегальной работе за границей.

В 1933-м «Длинный» (первый оперативный псевдоним Короткова) – уже нелегал в Париже. По легенде, он чех Карл Рошецкий из Австрии, который приехал учиться в Сорбонну. Там он вполне удачно пробовал вербовать французских офицеров. Но однажды его едва не поймали, поэтому от греха подальше агента вернули в Москву. Однако уже в 1936-м он под дипприкрытием работает в торгпредстве СССР в Германии. Там «Длинный» добыл бесценную информацию о новых немецких военных технологиях. В частности, сведения об искусственном каучуке, синтетическом бензине, радаре.

В 1937-м он опять оказался во Франции. Все нюансы работы Короткова в этот период не раскрыты до сих пор. Известно лишь, что разведчик вошёл в группу, занимавшуюся поиском и устранением предателей и врагов СССР. Одной из целей ликвидаторов стал бывший сотрудник НКВД и резидент ИНО ОГПУ в Иране Георгий Агабеков. Он в 1930 г. бежал в Бельгию, затем перебрался во Францию, где опубли-

ковал книгу, в которой сдал иранское звено советской разведки. После откровений Агабекова начались аресты и казни. Его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру. «Там его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии и молодой нелегал Коротков, – рассказал в своей книге о „короле нелегалов“ Теодор Гладков. – Турок убил Агабекова ножом, после чего тело запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен».

В самом конце 1930-х Короткова назначили замначальника 1-го отделения внешней разведки. Его новый псевдоним – «Степанов». В конце августа 1940-го по приказу Берии он отправился в Берлин. Главная задача – восстановить контакты с резидентурой, законсервированной в 1936–1938 гг. Легальное прикрытие – должность 3-го секретаря полпредства СССР в Германии.

Коротков сумел отыскать правительственного советника Имперского министерства экономики Арвида Харнака («Корсиканец») и его жену Милдред («Японка»). Вышел на связь и старший сотрудник разведывательного отдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзен («Старшина»). Эти люди по-прежнему занимали важные посты и были отлично информированы. «Степанов» удивился, узнав, что в подпольной группе Харнака и Шульце-Бойзена более 60 человек. Этот берлинский костяк «Красной капеллы» будет уничтожен через год после начала войны. Но они успеют передать много ценнейших сведений. Например, благодаря «Старши-

не» Коротков узнал, что работающий в Москве военно-воздушный атташе США – шпион Гитлера.

Отдельно стоит рассказать об агенте «Брайтенбах» – гауптштурмфюрере СС, сотруднике гестапо Вилли Лемане, который считается основным прототипом Штирлица. Коротков оказался единственным из всех советских разведчиков, кто знал его в лицо, – остальные были либо расстреляны, либо репрессированы. От Лемана Коротков узнал подробности тайной реорганизации нацистских спецслужб. Разведчик тут же откорректировал и максимально обезопасил деятельность своих подчинённых.

Во второй половине июня 1941-го для «Корсиканца» и его группы начали присылать с диппочтой рации, шифры, коды, деньги. Но Коротков не успел их передать. Ночью 22 июня здание советского посольства в Берлине оцепили эсэсовцы. Единственным дипломатом, которому позволялось выезжать, и то только в немецкий МИД и в сопровождении начальника охраны посольства офицера СС Хайнеманна, был Валентин Бережков. Он и помог договориться с Хайнеманном за 1 тыс. марок. Офицер СС дважды, 22 и 24 июня, вывозил «Степанова» в город. Якобы тому надо было срочно проститься со своей немецкой любовницей перед высылкой в Союз. Немец высаживал разведчика около метро, а часа через два подбирал в другом месте. Коротков успел передать «Корсиканцу» и «Старшине» всё, что прислал Центр.

Эшелон с интернированными советскими дипломатами

прибыл в Москву в июле 1941-го. Коротков возглавил немецкий отдел внешней разведки, который отвечал за заброску разведчиков в Германию. Он не только участвовал в создании спецшколы для подготовки агентов, но и сам обучал будущих нелегалов.

В ноябре – декабре 1943 г. полковник Коротков в составе советской делегации находился в Тегеране, где проходила встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Там он успел отправить через Болгарию в Германию нескольких агентов. Один из них устроился на завод разработчика реактивных истребителей «Me-262» авиаконструктора Вилли Мессершмитта. Второй сумел занять должность на предприятии создателя немецких ракет Вернера фон Брауна.

Но самое ответственное задание он получил весной 1945-го. Короткова вызвал к себе замнаркома госбезопасности Иван Серов и поручил возглавить группу по обеспечению безопасности немецкой делегации, которая прибудет в Карлсхорст для подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. «Если её глава фельдмаршал Кейтель выкинет какой-либо номер или откажется поставить свою подпись, ответишь головой. Во время контактов с ним постарайся прощупать его настроения и не пропустить мимо ушей важные сведения, которые, возможно, он обронит», – напутствовал Серов. На знаменитой фотографии, запечатлевшей момент подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии, Коротков стоит за спиной Кейтеля.

В марте 1946-го Короткова отозвали в Центр, где он стал замначальника внешней разведки и одновременно возглавил её нелегальное управление. Он имел непосредственное отношение к направлению в США нелегала Вильяма Фишера, более известного как Рудольф Абель. Кстати, Коротков был против отправки с ним радиста Рено Хейханена, который в итоге и сдал американцам Абеля. Об оперативном чутье «короля нелегалов» ходили легенды. А он и сам работал с легендами: лично готовил к отъезду Конона Молодого, курировал деятельность супругов-разведчиков Коэнов.

Позже руководил берлинским аппаратом КГБ. А 27 июня 1961 г. 50-летний Александр Коротков, который ничем не болел, внезапно скончался. В узких кругах тогда обсуждали, насколько это подозрительно. «Утром Александр Михайлович был принят председателем КГБ Шелепиным. Тот был недоволен Коротковым и объявил о его отзыве из Берлина, – вспоминал ветеран СВР, полковник в отставке Иван Кузьмин. – Выйдя из кабинета, Коротков вызвал машину и проехал на квартиру Хрущёва, где был принят Ниной Петровной. Оттуда по телефону „ВЧ“ он позвонил Вальтеру Ульбрихту и попросил его заступничества. Ульбрихт немедленно связался с Хрущёвым и попросил оставить Короткова на работе в Берлине. Хрущёв согласился и дал соответствующее указание Шелепину». Коротков вернулся домой, сказал жене собирать вещи и вечером встретился на теннисном корте с экс-шефом КГБ Серовым. Через несколько минут игры

он потерял сознание. Официальный диагноз – разрыв аорты. Эрих Мильке, который создал «Штази», воспринял кончину Короткова как личный удар. Он с коллегами из МГБ ГДР был на похоронах, в отличие от Шелепина. Во время каждого визита в Москву Мильке приходил с цветами на Новодевичье кладбище к могиле Короткова.

После скоропостижной смерти Александра Короткова прошло много лет, но до сих пор имена некоторых его агентов не рассекречены.

За большие заслуги в деле обеспечения госбезопасности генерал-майор Коротков был награждён орденом Ленина, шестью (!) орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и др.

Стоит сказать: «Юстас – Алексу...», и все вспоминают шифровки Штирлица в Центр. До недавнего времени «Алекс» – руководитель советской разведки – оставался за кадром. Только сегодня, когда часть информации о Павле Фитине рассекречена, можно по достоинству оценить его вклад в историю советской страны.

10 октября 2017 года в Москве у здания пресс-бюро Службы внешней разведки России был торжественно открыт памятник Павлу Фитину – легендарному Алексу.

Будущий главный разведчик родился в 1907 г. в семье крестьянина-бедняка. И, казалось бы, ничто не предвещало

ему такой «секретной» карьеры: учился в сельхозакадемии, работал в издательстве, выпускавшем литературу для сельчан, дорос там до заместителя главного редактора. Но в марте 1938 г., в разгар ежовских репрессий, ЦК партии решил мобилизовать из народного хозяйства в органы госбезопасности 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. Фитина после шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД определили стажёром в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР – Иностранный отдел, как ещё называли разведку. А уже в мае 1939 г. нарком Берия назначил его – 31-летнего! – начальником ИНО. «Должность в полном смысле слова была „растрельной“. И вряд ли кто-то завидовал стремительной карьере „мальчика“, – уверен писатель, историк, лауреат литературной премии СВР РФ полковник Александр Бондаренко. – Тем более вряд ли кто-то думал, что Павел Фитин будет руководить разведкой не считанные месяцы, как его предшественники, а целых 7 лет».

«В 30-х гг. сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938–1939 гг. почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву, многие из них репрессированы», – вспоминал Павел Михайлович о том, какое «хозяйство» ему пришлось

принять. Фитин буквально реанимировал службу. Ему удалось вернуть в строй многих опытных разведчиков и найти талантливых новичков.

Разведчики Фитина работали как часы: они задолго до 22 июня 1941 г. слали в Москву тревожные шифровки с доказательствами того, что Гитлер готовится напасть на СССР. Даже о подготовке к боям на стороне нацистов украинских националистов во главе с Бандерой Фитин докладывал наверх в феврале 1941-го. Подобных сообщений только в 1941 г. в Кремль было передано не менее 120.

Именно Павел Фитин лично в ночь на 17 июня 1941 г. доложил Сталину: военные приготовления Германии закончены, удар будет со дня на день. Сведения получены от вернейших источников из Германии – «Корсиканца» (А. Харнак, старший советник Минэкономики) и «Старшины» (Х. Шульце-Бойзен, сотрудник отдела разведки Министерства воздушного флота). Но Сталин не поверил.

В годы войны разведке Павла Фитина удалось узнать о планах основных операций и направлениях главных ударов вермахта на Восточном фронте и установить контакты с западными спецслужбами. Ветеран СВР генерал-майор в отставке Лев Соцков говорит, что перед Фитиным стояли 3 задачи: собрать информацию о происходящем в Германии, у союзников и понять какой видят союзники политическую карту мира после войны. Эти задачи он выполнил. Так, сведения о переговорах о сепаратном мире Германии с Англией

и США были получены разведкой и стали причиной письма Сталина Рузвельту и Черчиллю. А при подготовке к конференциям в Ялте, Потсдаме и Тегеране Сталин благодаря разведке «в деталях знал, где можно настаивать, добиваться, а где идти на компромисс». «Пределом мечтаний любой разведки мира» назвал директор ЦРУ Аллен Даллес добываемые советскими разведчиками сведения в ходе уникальных оперативных комбинаций во время войны.

Но, пожалуй, самой фантастической работой разведчиков Фитина стала операция «Энормоз», в результате которой удалось добыть тайну создания ядерного оружия. «25 сентября 1941 г. из лондонской резидентуры пришло спецсообщение о состоявшемся 16 сентября заседании Уранового комитета, – рассказывает Александр Бондаренко. – Из него следовало, что „урановая бомба может быть создана в течение двух лет“, что принято „решение о немедленном начале строительства в Великобритании завода по производству урановых атомных бомб“. Фитин обратил внимание на это сообщение, информацию доложили Берии. Есть легенда, что зловеший нарком эти данные „отверг как дезинформацию“. На самом же деле он распорядился направить полученные сведения на экспертизу в 4-й спецотдел НКВД, где не без оговорок, но подтвердили их достоверность».

В марте 1942 г. руководство разведки подготовило спецсообщение Сталину, в котором не только оценивалась перспектива создания нашими союзниками атомного оружия,

но и предлагалось организовать специальный НИИ. В сентябре Сталин провёл совещание с академиками А. Иоффе, Н. Семёновым, В. Хлопиным и П. Капицей. После чего было принято постановление «Об организации работ по урану». Материалы разведчиков прямым ходом шли к советским ядерщикам. В марте 1943 г. академик Игорь Курчатов, известный как отец советской атомной бомбы, писал Берии: «Произведённое мною рассмотрение материалов показало, что их получение имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки... Материал дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования».

То, что советская атомная бомба была изготовлена в 1949 м, а не в 1956 г., как рассчитывали американцы, полностью заслуга сотрудников Фитина. Кстати, в своих воспоминаниях Павел Михайлович писал, что «большое количество материалов добывалось также по вопросам самолётостроения, танкостроения, приборостроения и по другим вопросам науки и техники».

В июне 1946 г. Фитина отправили в отставку и направили в советскую оккупационную зону Германии замом уполномоченного МГБ. «Неоднократно писалось, что Фитина „скупшал“ не то Берия, не то Хрущёв. На самом деле Павел Михайлович оставил свой пост после смены „команд“, когда Абакумов сменил Меркулова на посту министра госбезопасности, – рассказывает Александр Бондаренко. – Как пи-

сал сам Павел Михайлович, после войны ему „на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов...“». Фитин некоторое время работал в Германии (немецкие учёные были вывезены в Союз и приняли участие в советском атомном проекте), затем был замначальника Управления МГБ в Свердловске – именно на Урале находились те самые закрытые города, о создании которых он писал Сталину. С 1951 по 1953 г. он был министром госбезопасности Казахской ССР, где находился Семипалатинский ядерный полигон.

29 ноября 1953 г., после ареста Берии, Павла Фитина в возрасте 45 лет уволили из органов госбезопасности с формулировкой «по служебному несоответствию», без пенсии, так как он не имел необходимой выслуги лет. Потом была работа на достаточно скромных должностях – контролёром в Министерстве госконтроля СССР и директором фотокомбината. «Сожаление было, что сил столько потратил и пришлось всё оставить», – говорит внук Павла Михайловича Андрей Фитин. – «Но никакой обиды дед не таил. Однажды только сказал: „Правда найдёт себе путь“».

Сам Павел Фитин даже намёками не рассказывал внуку, что работал в разведке. «Когда я был в 10-м классе, мне об этом рассказал отец, который тоже работал в органах госбезопасности. На семейном совете решили, что я должен продолжать династию. Дед даже написал мне письмо о том, на

что я должен обратить серьёзное внимание – прежде всего на иностранные языки. Правда, потом мои планы изменились», – вспоминает Андрей Фитин. А в детстве он играл с дедовскими орденами: «Когда мне было 6 лет, я втайне от родителей доставал все эти награды и надевал их. У деда был чехословацкий орден Белого льва. Там должна была быть лента, но её не оказалось, и поэтому я доставал резинку от трусов и с её помощью надевал орден на себя. Наградная колодка у меня даже на груди не помещалась – очень большая, и приходилось надевать её от плеча до плеча».

Павел Фитин ушёл из жизни в декабре 1971-го. Имя его, некогда засекреченное, оказалось забыто на десятилетия.

И вспомнили о нём только в новом тысячелетии.

18 февраля 2020 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 332-р на основании предложения Парламента Республики Северная Осетия – Алания и для увековечивания памяти руководителя внешней разведки в годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта Фитина П. М. безымянной горе с координатами 42°49,3' северной широты, 43°46,0' восточной долготы и абсолютной высотой 4076,4 метра, расположенной на хребте Соудор на территории Ирафского района Республики Северная Осетия – Алания, присвоено наименование «Павла Фитина».

18 февраля 2020 года бывший Проектируемый проезд № 5063, расположенный в районе Ясенево Юго-Западного административного округа города Москвы, был переимено-

ван в улицу Павла Фитина.

Памятник Павлу Фитину торжественно открыт 10 октября 2017 года в Москве, возле здания пресс-бюро Службы внешней разведки России (ул. Остоженка, д. 51, стр. 1). Торжественную церемонию открытия памятника начал директор Службы внешней разведки России Сергей Евгеньевич Нарышкин. Людей на Остоженке собралось немало: ветераны Службы, земляки Фитина, журналисты. Автор памятника – скульптор Андрей Николаевич Ковальчук.

22 июня 2008 года в родном селе П. М. Фитина установлена мемориальная доска у памятника погибшим в Великой Отечественной войне; Курганская область, Шатровский муниципальный округ, село Ожогоино.

14 августа 2014 года установлена мемориальная доска на здании бывшей школы, в которой в 1922–1926 годах учился Павел Фитин. Сейчас в этом здании находится ЧОУ «Ялуторовская православная гимназия», Тюменская область, город Ялуторовск, ул. Первомайская, 55.

21 июня 2016 года на здании Свердловского УФСБ открыта мемориальная доска П. М. Фитину, Свердловская область, город Екатеринбург, ул. Вайнера, 4.

В декабре 2015 года администрацией Шатровского района Курганской области при взаимодействии с общественной организацией ветеранов Федеральной службы безопасности Российской Федерации учреждена памятная медаль в честь генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина.

1930-е гг. В Испании полыхает гражданская война, и США в помощь республиканцам отправляют интернациональную бригаду. Среди добровольцев оказался и 26-летний школьный учитель, член компартии США Моррис Коэн. Домой он вернулся уже советским разведчиком под псевдонимом Луис. Завербовать его было нетрудно. Сын эмигрантов (мать родом из Вильнюса, отец из местечка Тараща под Киевом) часто общался с выходцами из России и Украины, был очарован СССР. С Леонтиной Петке, родом из Массачусетса, Моррис познакомился на антифашистском митинге. По иронии судьбы их свадьба состоялась 22 июня 1941 г. Леонтина догадывалась о связях мужа с русскими и сразу согласилась работать на Союз. В историю разведки она войдёт под псевдонимом Лесли.

Одно из первых заданий Лоны, именно так её всегда называл Коэн, было раздобыть на заводе, где она работала, чертежи экспериментального образца авиапулемёта. Ей удалось не только получить чертежи, но и вынести ствол нового пулемёта! А у Морриса был талант к вербовке, и достаточно быстро появилась его группа «Волонтёры» – так их называли в Центре. Потому что американцы брали у русских деньги только на оперативные расходы: покупку плёнок, фотоаппаратов, поездки на поездках и такси.

Моррис Коэн однажды завербовал учёного из лаборатории ядерного центра в Лос-Аламосе, где команда Робер-

та Оппенгеймера работала над созданием атомной бомбы. Агент получил псевдоним Персей. Когда Морриса мобилизовали в июне 1942 года, на встречу с информатором отправили Лону. Она должна была взять у незнакомого ей Персея важные документы и передать резидентуре в Нью-Йорке. Лона отправилась на курорт Альбукерке, неподалёку от закрытого Лос-Аламоса, «подлечить лёгкие». Тех, кто работал в атомной лаборатории, в город выпускали лишь раз в месяц. Встреча Персея и Лесли должна была состояться на оживлённой площади, у учёного в руках должна была быть жёлтая сумка, из которой торчал бы рыбий хвост. Эту сумку и следовало передать Лоне.

Полное техническое описание секретной разработки было уже в руках у русской разведки, вот только никто не учёл маленькой детали – на вокзале полицейские проверяли документы и багаж у всех пассажиров. Когда к миссис Коэн подошёл патруль, находчивая Лесли сделала вид, что растерялась и не может найти билет. Она стала нервно доставать вещи из чемодана, а пакет с документами, который ей «мешал», отдала полицейскому. Когда досмотр был окончен, пошла к вагону. Документы остались в руках у копа. Но расчёт Лоны оправдался – полицейский её догнал и вернул «рассеянной мэм» имущество.

Уже в 1949 г. СССР провёл первые испытания атомной бомбы. В Вашингтоне поняли, что русские не могли так быстро сами её разработать, а значит, секрет супероружия

увели у американцев из-под носа.

12 лет Коэны работали в США на внешнюю разведку СССР. Но в 1950 г. в Центре поняли – «Волонтёров» пора выводить из игры. Супругов, работающих со знаменитым разведчиком Рудольфом Абелем, решили переправить в Союз. Путь Лоны и Морриса Коэнов из Нью-Йорка в Москву был непростым. Конспиративная квартира в Мексике, затем Франция, Германия, Швейцария. Оттуда надо было добраться в Чехословакию, но самолёты туда летали раз в неделю, с билетами проблема. По настоянию Лоны в Прагу отправились поездом через германскую границу. Но американцам для поездки в страны соцлагеря нужен был вкладыш в паспорт. Его выдавали Госдеп либо консульство США за границей. Коэнам, которые путешествовали с документами супругов Бриггс, обращаться за вкладышем было нельзя.

На поезд рискнули сесть без всяких вкладышей и, конечно, нарвались на проверку документов. Немцы высадили их. Несмотря на то, что дело было в ночь на субботу, педантичный офицер стал пытаться дозвониться в ближайшее американское консульство. Лона моментально сориентировалась и закатила скандал, как настоящая богатая американка: «Кто, в конце концов, выиграл войну – Штаты или вы? Не имеете права задерживать американскую делегацию». Пограничники спасовали и решили обойтись без дипломатов, нашли где-то заспанного сержанта американской армии, чтобы он связался со своим начальством. Тот притащил откуда-то ви-

но и предложил отметить задержание. Коэны начали подпавать немецких пограничников. К утру начальство так и не объявилось, сержант спешил на свидание, а тут как раз подошёл поезд на Прагу. Пьяные немецкие пограничники лихо расписались в паспортах, и сержант пожелал соотечественникам счастливого пути.

В СССР американцы времени даром не теряли. Они прошли обучение у советских разведчиков. И уже под Рождество 1954 г. в доме 18 по Пендерри-Райз на юго-востоке Лондона поселилась семейная пара – Питер и Хелен Крогеры. По легенде, они приехали в Британию из Новой Зеландии. 44-летний Питер приобрёл букинистический магазинчик. Под этим прикрытием Леонтина и Моррис работали связистами резидента советской разведки Конона Молодого, выдававшего себя за канадского предпринимателя. Целью группы были секреты главной базы Королевского флота. В архивах СВР можно отыскать упоминание, что это было одно из самых успешных звеньев внешней разведки, которое добывало секретную информацию в важнейших учреждениях Англии и на военных базах США.

Коэны проработали в Лондоне до 1961 г. Арест застал их врасплох – во время обыска в их доме нашли столько шпионских принадлежностей, что даже бывалые контрразведчики её величества были поражены. Но иных доказательств против супругов Крогеров фактически не было. Даже их настоящая фамилия была англичанам неизвестна. А причина аре-

ста трагически банальна – предательство. Конона Молодого британцам сдал польский разведчик.

На суде Молодой взял всю вину на себя и получил 25 лет. Вину Крогеров, несмотря на найденные у них радиопередатчики, доказать не смогли, но дали им по 20 лет. Сидели супруги в разных тюрьмах, но по английским законам им полагались редкие свидания. После них Моррис писал Леонтине письма, вспоминая каждый миг этих встреч. Она в ответ писала ещё более трогательные послания. Наверное, благодаря письмам Моррис и выдержал тяжёлые болезни, мучившие его в тюрьме. Про большую любовь Коэнов в их досье ничего нет, но СВР России недавно обнародовала 700 страниц переписки разведчиков. Пожалуй, ещё никогда агенты-нелегалы не представляли перед публикой в жанре сугубо эпистолярном.

Спустя 3 года после суда Конона Молодого обменяли на арестованного в Москве агента британских спецслужб. Чтобы освободить Морриса и Леонтину, МИД СССР потребовалось целых 9 лет. В обмен на них был отпущен английский разведчик Джеральд Брук.

Коэнов пригласили на работу в Управление «С» (нелегальная разведка) Первого Главного управления КГБ СССР. Для работы там требовалось советское гражданство. Документы оформили быстро, но самой главной подписи – секретаря ЦК КПСС Суслова – получить не могли. Он заявил, что Коэны – провалившиеся агенты и быть советскими гражд-

данами недостойны. Председатель КГБ Андропов пошёл напролом: поднял вопрос на ближайшем заседании Политбюро. Он заявил, что Коэны принесли Советскому Союзу больше пользы, чем многие высокопоставленные партработники. Брежнев поддержал Андропова.

До последних дней американцы продолжали трудиться в СВР. Были и операции в других странах, ещё не раз супруги добывали важную информацию. Их работа вошла в учебники по разведке. В 1992 г., за две недели до своего 80-летия, умерла от рака Леонтина. Спустя 3 года не стало Морриса. Супруги Коэны посмертно получили звание Героев России. Незадолго до кончины Моррис дал единственное интервью русскому журналисту Николаю Долгополову. На вопрос, когда ещё какая-нибудь информация об их с Лоной тайных делах будет рассекречена, разведчик, не задумываясь, ответил: «Never» («Никогда»).

Ещё один рассказ – о потомственном дворянине и уникальном разведчике Дмитрие Быстролётове. Он знал более 20 языков, менял личности, биографии и сводил с ума женщин, которые дарили ему любовь и государственные тайны. Но в какой-то момент советская власть обвинила гения разведки в работе на врагов и отправила в жернова ГУЛАГа...

«Самый потрясающий наш разведчик – это Дмитрий Быстролётов: его жизнь похожа на авантюрный роман, в котором чего-чего, а приключений хватало».

Михаил Любимов бывший резидент советской внешней разведки в Дании.

Дмитрий Быстролётов родился 4 января 1901 года в крымском селе Акчора. Матерью будущего разведчика была дочь священника Клавдия Быстролётова, которая трудилась учительницей в сельской школе. Работу Клавдия успешно совмещала с активной борьбой за права женщин, являясь одной из первых российских феминисток.

А вот отцом сам Дмитрий указывал чиновника министерства госимуществ графа Александра Толстого, который являлся братом писателя Алексея Толстого. Тот внебрачного сына официально признал далеко не сразу, так что графский титул Быстролётов носил сравнительно недолго.

До 1913 года Дмитрий по протекции отца жил в Санкт-Петербурге, где успел получить достойное начальное образование и занимался фехтованием. Следующими этапами была учёба в гардемаринских классах, Севастопольском кадетском корпусе, гимназии и мореходном училище в Анапе.

После революции Быстролётов пошёл было воевать против большевиков в рядах Добровольческой армии, но быстро оценил расклад сил и в 1918 году бежал в Турцию. Чтобы заработать себе на кусок хлеба, Дмитрий трудился грузчиком и гробовщиком. В 1920 году Быстролётов ненадолго съездил в Россию и вернулся оттуда уже вдохновлённый коммунистическими идеями.

К 1921 году Дмитрий принял твёрдое решение перебраться-

ся жить в Европе. Деньги на переезд будущий разведчик добывал тяжёлым трудом, работая матросом на белогвардейских судах. Он жил в режиме жесточайшей экономии и при этом ещё успевал посещать колледж для европейцев-христиан. Осуществить мечту удалось в 1923 году: будучи к этому времени убеждённым марксистом, Быстролётов эмигрировал в Чехословакию, став студентом юридического факультета Карлова университета.

Поскольку Дмитрий не скрывал своих прокоммунистических настроений, получив прямо на чужбине гражданство СССР, он быстро попал в поле зрения советской разведки. На предложение о сотрудничестве Быстролётов ответил согласием: для прикрытия перспективный разведчик поступил на работу в советское торговое представительство.

Вскоре Дмитрий стал пересылать в Центр важную информацию, которую замечал, постоянно штудирова местные газеты. Неоднократно разведчику удавалось выцепить из сообщений прессы настолько ценные данные, что было решено задействовать его для более серьёзных заданий.

В 1925 году Дмитрия отозвали в Москву для встречи с одним из отцов-основателей советской разведки Артуром Артузовым. Организовать эту командировку было несложно, поскольку к этому времени Быстролётов был секретарём пражского «Союза студентов-граждан СССР». Он прибыл в Белокаменную в качестве представителя ячейки на 1-й съезд Пролетарского студенчества, но все дни проводил за

инструктажем от сотрудников разведки и в итоге был принят на должность сотрудника иностранного отдела ОГПУ. В Чехословакию Дмитрий вернулся в качестве вербовщика.

Успевая учиться в университете, Быстролётов принялся вербовать инженеров и техников завода Skoda – те раскрыли ему тайну технологии закаливания крупнокалиберных оружейных стволов. Отлично разбираясь в людях, разведчик не допустил в своём деле ни одного промаха. Агентурная сеть расширялась день за днём – в неё вошли чешские финансисты, предприниматели и сотрудники различных предприятий.

Между тем одним из самых ценных агентов Быстролётова сам не зная того стал истопник посольства Германии. В обязанности мужчины среди всего прочего входило уничтожение в печи секретных документов. Изучив все повадки потенциального информатора, Быстролётов решил действовать крайне аккуратно.

Около месяца он посещал пивную, где любил коротать субботний вечер истопник, и лишь затем решился на знакомство. Всё прошло гладко: немец поверил в легенду нового приятеля о том, что тот является его земляком, и через некоторое время рассказал о процессе сжигания документов.

Оказалось, что при этом формально присутствуют секретарь и охранник, однако за действиями истопника они особо не следят. Дмитрий тут же предложил схему заработка: незаметно от наблюдателей класть поверх важной стопки ненуж-

ные бумаги, включать на полную мощность тягу печи – при этом сгорает лишь верхний слой – а оставшиеся целыми материалы передавать Быстролётову.

А тот в свою очередь будет находить покупателей секретов и под угрозой смерти никогда не признается, от кого получил бумаги. Разведчик был настолько убедителен, что немец ему поверил и стал приносить документы. Дмитрий отдавал ему обещанные деньги, а всю информацию переправлял в Центр.

В 1927 году Быстролётов получил приказ сблизиться с 29-летней секретаршей французского посольства в Чехословакии. Задание было с блеском выполнено: влюблённая женщина по просьбе Дмитрия снабдила его секретными данными из докладов посла и книги с шифрами.

После того как материалы были переправлены в Центр, Быстролётов получил новый приказ – «заморозить» этот источник информации. Дмитрию ничего не оставалось, как резко прекратить общение, но, по словам самого разведчика, он долго чувствовал вину перед этой женщиной. Вспоминая о случившемся, разведчик писал:

«Как и заключение, разведка уродует души и жизни людей, которые вынуждены с ней соприкоснуться» – Дмитрий Быстролётов. Из книги «Путешествие на край ночи».

В конце 1929 года Быстролётов, который к этому времени успешно защитил докторскую диссертацию, стал собираться в Москву – к срочному отзыву разведчика привели два прокола, которые допустил сотрудник посольства СССР в Чехо-

словакии. В столице Дмитрия ждало место в Научно-исследовательском институте монополии внешней торговли.

Но внезапно планы поменялись. Быстролётову поступило предложение поработать разведчиком-нелегалом в Берлине, на которое тот незамедлительно ответил согласием. Первым делом Дмитрию, добравшемуся в пункт назначения через вольный город Данциг, предстояло обзавестись паспортом.

За нужным документом разведчик отправился к генконсулу Греции, который, по агентурной информации, занимался торговлей наркотиками. На попытку купить у него замену якобы утерянного паспорта консул отреагировал негодованием. Дмитрий тут же сменил тактику.

«Быстролётов выдаёт себя за гангстера, который только что совершил убийство в Сингапуре. Выкладывает на стол свой пистолет и недвусмысленно даёт понять консулу – что ему терять? Одно убийство уже за ним числится, сейчас он едет в другую страну, и даже без этих документов он поедет...» – Николай Долгополов, писатель.

Рисковать жизнью консул не стал и тут же выписал необходимый Быстролётову документ. Так на плечи разведчика, получившего псевдоним Андрей, легли обязательства по добыче немецких технических и экономических секретов.

Перед тем как взяться за работу, Дмитрий объехал многие европейские государства, где изучал маршруты, быт и национальные особенности каждого из народов. Своё свободное время он тоже тратил с пользой – обучался графике в бер-

линской академии живописи.

Быстролётов сумел найти и наладить контакт с утерянным ранее информатором – итальянским отставным полковником, который продавал разведчику шифры. Однако через некоторое время полковник оказался в плену паранойи. боясь скорого разоблачения, он решил устранить свидетеля своих преступлений против Родины – Быстролётова.

Полковник даже умудрился заманить разведчика в западню – позвал погостить в свой особняк в Швейцарии. Дмитрий хоть и принял приглашение, но сразу же почувствовал неладное. Увидев в руках информатора пистолет, он понял, что находится на волосок от гибели, и выдумал историю про подмогу, спешившую ему на выручку.

Лишь хладнокровие и выдумка Быстролётова, сказавшего: «Если вы [меня] сейчас уничтожите, там 12 человек стоят, они будут через 15 минут у вас. И вас изрешетят пулями – не станет ни вас, ни меня», [спасли ему жизнь] – Николай Долгополов, писатель.

Агент тут же поменял планы – сказал, что просто пошутил, и спрятал оружие. В Париже, где ему предстояло выполнить одно из первых секретных заданий, Быстролётов освоил азы живописи и легко вжился в образ богатого голландского художника, владеющего текстильной фабрикой (предприятие было организовано специально для достоверного прикрытия). С делом в итоге он справился отлично: благодаря вербовке Быстролётовым одного из шиф-

ровальщиков внешнеполитического ведомства Великобритании Foreign Office в руках Дмитрия оказался сборник шифрограмм британского МИДа. К слову, информацию для Быстролётова добывала и жена шифровальщика – женщина питала к разведчику нежные чувства.

После этого судьба забросила Быстролётова в Африку: на континенте ему предстояло собрать информацию и дать оценку словам министра иностранных дел Франции Жана Луи Барту. Для борьбы с нацизмом чиновник хотел объединить свою страну с СССР и в случае начала войны в Европе обещал задействовать полмиллиона солдат из французских колоний.

Быстролётов в образе голландского художника жил в племенах туарегов и пигмеев, а также освоил язык африкаанс.

Он выяснил, что Барту явно лукавил – возможности собрать и перебросить в Европу колониальную армию у Франции не было. За эту операцию в 1932 году Быстролётов был награждён боевым оружием.

В 1933 году советская разведка лишилась своего источника в Foreign Office: злоупотреблявший спиртным агент сначала был уволен, а вскоре погиб, надышавшись угарного газа.

Через некоторое время после этого Дмитрий, который, несмотря на свою осторожность, успел пару раз «засветиться» в компании этого британского информатора, заметил за собой слежку. О грозящей Быстролётову опасности Центр

уведомил резидент ИНО во Франции Борис Шпак.

«Не исключено, что Андрей может быть ликвидирован противником. Тем не менее... уехать сейчас – это значит потерять источник, что при его значимости равно ослаблению нашей обороны и усилению работы противника». – Из сообщения Бориса Шпака.

В решении оставить Быстролётова в строю Центр Шпака поддержал – отзывать в Москву Дмитрия не стали. Тогда в Лондон, где находился разведчик, прибыл агент, который передал Быстролётову паспорт на имя грека Александра С. Галласа и пистолет.

Оружие было предназначено не для обороны – при задержании разведчик планировал свести счёты с жизнью. К счастью, прибегнуть к такому радикальному методу ему не пришлось: вскоре контрразведка ослабила бдительность в отношении Дмитрия.

В поисках нужной информации Быстролётов часто бывал на светских раутах, где обращал внимание на поведение представителей местной элиты. Артистичному разведчику не составляло труда перенять все замашки светского общества и использовать их в своей дальнейшей работе.

Обаятельный Быстролётов продолжал использовать свой успех у противоположного пола в рабочих целях. Поклонницей графа из Венгрии, за которого часто выдавал себя разведчик, оказалась одна из сотрудниц службы безопасности немецкого рейха.

Чтобы усыпить бдительность фанатичной сторонницы Гитлера, Дмитрий принялся ухаживать за девушкой и даже сделал ей предложение, которое было с радостью принято.

К слову, к этому времени Быстролётов был уже женат – его избранницей стала чешка Милена (Мария) Шелматова, которая трудилась в созданной её супругом в 1930 году группе четверых разведчиков-нелегалов под псевдонимом Иоланта.

Она сама не раз пользовалась своей привлекательностью, чтобы раздобыть секреты, – например, очаровала полковника Генштаба Италии, у которого в итоге выведала все шифры. К слову, когда женщина порвала со своим поклонником, тот покончил жизнь самоубийством.

Избежать двоежёнства разведчику помогла новая легенда: получив от немки все нужные ему секретные документы о действующих на территории СССР немецких шпионах, «граф» исчез, а его невесте донесли, что он был случайно застрелен на охоте.

Через некоторое время девушка чуть было не лишилась разума: не столько от горя, сколько от неожиданности – она случайно столкнулась с «погибшим» женихом в одном из кафе Берлина. Изумлению немки не было предела: она лишилась чувств, а Быстролётов тем временем скрылся.

Образ венгерского графа чуть было не подвёл вновь – во время пребывания разведчика в Англии, где он принял приглашение посетить загородный дом своих новых знакомых. Прибыв на место, Быстролётов узнал, что хозяйева пригото-

вили ему сюрприз – позвали на фуршет сотрудника венгерского посольства.

Дмитрий понял, что тот быстро раскусит его легенду: на венгерском разведчик говорил с акцентом. И Быстролётов нашёл выход из ситуации: он начал налегать на спиртное, сделав через некоторое время вид, что сильно перебрал. В итоге ко времени прибытия дипломата Дмитрий отправился «приходить в себя» в выделенную ему спальню, из которой вышел лишь после отъезда венгра.

К своей работе Быстролётов относился фанатично: когда над работающими в Англии разведчиками-нелегалами нависла реальная угроза разоблачения, он сам принял решение остаться на чужбине.

«Когда английская контрразведка заинтересовалась активно действующими агентами, Москва приказала всем работающим по этой линии, кроме Быстролётова, немедленно выехать на континент. Быстролётов же добился разрешения остаться, чтобы напоследок добыть английские шифры на будущий год», – писатель Валерий Гоголь, из книги «Бомба для Сталина. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба».

Путь к отступлению у Быстролётова был: играя роль английского лорда в седьмом поколении, Дмитрий стал обладателем дипломатического паспорта, который выдал ему глава МИД Великобритании. Этот документ в экстренном случае помог бы разведчику без проблем пересечь границу.

В зависимости от ситуации разведчик менял свои образы: становился канадским инженером, греческим коммивояжёром, американским предпринимателем – Быстролётов был полиглотом и знал 22 иностранных языка. География рабочих командировок Быстролётова поражала своей обширностью.

В качестве разведчика-нелегала Дмитрий успел объехать практически весь мир, побывав в Италии, Австрии, США, Испании, Бразилии и в ряде других стран. Дмитрий снабжал Центр информацией о новинках военной техники, которая производилась в странах Европы.

Во время его очередного пребывания во Франции свои плоды дало сотрудничество с сотрудником военной разведки – помимо секретных документов гитлеровских спецслужб, тот предоставил Быстролётову турецкие, немецкие, австрийские и итальянские шифры.

Благодаря связям разведчик получил доступ к тайной переписке между Адольфом Гитлером и Бенито Муссолини и организовал доставку из Польши тестового образца шифровальной машинки «Энигма».

Правда, до СССР машинка в силу обстоятельств так и не доехала, но помогла англичанам расшифровывать закодированные послания фашистов и своевременно отражать их атаки.

Между тем сильно заболела Иоланта – врачи диагностировали у женщины туберкулёз. На семейном совете было ре-

шено, что супруга Быстролётова отправится в СССР, где будет лечиться и по возможности присматривать за пожилой матерью разведчика.

Да и сам Быстролётов находился на грани нервного истощения – дали о себе знать годы жизни под разными личностями и переживания по поводу возможного разоблачения. Настойчивые просьбы отозвать его на родину возымели действие в начале 1937 года: Быстролётов вернулся в Москву и поначалу был принят с почестями.

Вместе с женой они получили должности сотрудников центрального аппарата, а Дмитрий успел поучаствовать в создании пособия для будущих коллег, куда вложил все приобретённые за годы службы знания. Кроме того, разведчик стал членом Союза художников СССР – из-за рубежа он привёз свои картины, выставка которых была запланирована на декабрь 1938 года.

Между тем Быстролётовых активно готовили для внедрения в нидерландских колониях Индии, где им предстояло хорошо зарекомендовать себя среди голландских фашистов. Дмитрию организовали паспорт канадского подданного, который работал инженером-лесовиком в Финляндии.

Для создания правдоподобной легенды Быстролётовы отбыли в Карелию. Там супругам организовали фотосессию – снимки планировали положить в чемоданы на случай неожиданного обыска.

«Мы снимались на фоне леса и брёвен в канадских костю-

мах, с канадскими газетами или с банкой канадских консервов в руках...» – Дмитрий Быстролётов, из книги «Пир бесмертных».

Далее, по разработке разведупра, Быстролётовы должны были переехать в одну из стран Южной Америки, вступить в нацистскую партию и отправиться в Европу. Но сбыться этим планам было не суждено.

В феврале 1938 года у Быстролётова начались неприятности: его вызвали к начальству, где объявили об увольнении из-за сокращения штата. Дмитрий, которого перевели на работу в Торговую палату, до конца надеялся, что вскоре это досадное недоразумение будет исправлено, но вместо этого осенью он был арестован.

Показания против разведчика под пытками дал его бывший сокурсник из Чехословакии: мужчина заявил, что Быстролётов занимался вербовкой в террористическую антисоветскую организацию.

Попав за решётку, Дмитрий оказался в одной камере с ожидавшим своей участи авиаконструктором Андреем Туполевым, которого тоже не пощадили «ежовские чистки». Немногим позже Быстролётова перевели в Лефортово – там в попытке добиться признания в шпионаже против Советского Союза в пользу Чехословакии Дмитрия жестоко избивали на каждом допросе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.